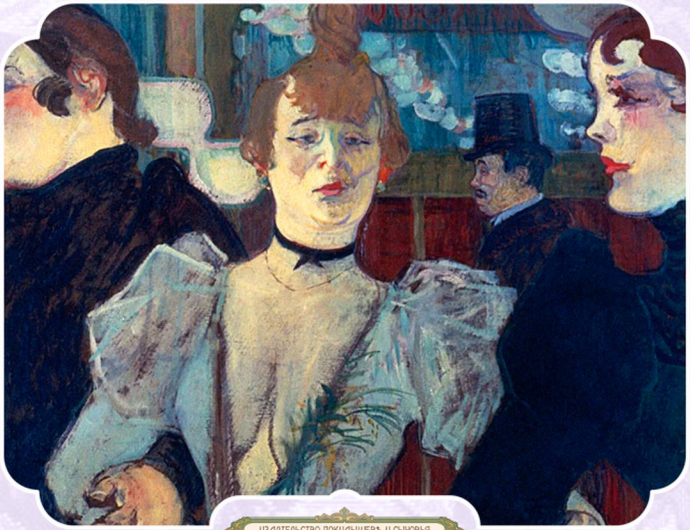
МОРИС ДЕКОБРА

MAURICE DEKOBRA

Мориса Декобра

Проспер из Фламинго



ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОКУДЫШЕВЪ И СЫНОВЬЯ

Проспер из Фламинго
Морис Декобра

Аннотация
Морис Декобра. Проспер из «Фламинго»
Предисловие,. написанное на краю стола
I
II
III
IV
V
VI
VII

Аннотация

Первый метрдотель кабаре «Розовый фламинго» шестидесятилетний Проспер Мижо, отработав на благо любимого заведения без малого двадцать пять лет и скопив довольно солидную сумму, принимает решение уйти на заслуженный отдых и провести остаток дней в глухой деревне, занимаясь разведением кур и выращиванием салата. Сказано – сделано, и спустя короткое время месье Проспер переезжает в живописную деревушку Мот-ан-Бри, наслаждаясь, как и было запланировано, размеренной деревенской жизнью, тишиной и покоем. Но, спустя некоторое время сельские пейзажи перестают вызывать первоначальный восторг и мсье Проспер задумывает совершить прогулку на Монмартр с тем, чтобы позволить себе роскошь войти в «Розовый фламинго» через главный вход и выпить бутылочку Экстра Драй вместо того, чтобы, как раньше, подавать ее другим. Если бы он мог хотя бы на минуту предположить к каким последствиям приведет его необдуманное желание,

он бы и шагу не ступил из благословенного Мот-ан-Бри. Но, к сожалению, мсье Проспер не обладал даром предвидения и потому решительно отправился в свое авантюрное путешествие по местам былой славы.

Морис Декобра
Проспер из «Фламинго»







© ИП Воробьёв В.А.
© ООО ИД «СОЮЗ»
W W W. S O Y U Z. RU

Предисловие, написанное на краю стола

В тот вечер на Монмартре шел дождь. Огни маленьких кафе на улицах Жермен-Пилон обрисовывали в темноте ночи молочно-бледные квадраты, заштрихованные жидкими полосами ливня.

Я сидел за мраморным столиком и мои промокшие ноги отдыхали на коврике из прессованных древесных опилок. В этом скромном кафе были только девушка с ничего не выражающим лицом в брезентовом плаще, с потертыми рукавами и контролер подземной железной дороги, меланхолично потягивавший через соломинку мазагран. Лакей, облокотившись на конторку кассирши, о чем-то перешептывался с ней. Можно было сказать: Ромео, в белом фартуке и Джульетта, угрюмая и страдающая водянкой.

Рюмка кальвадоса [*Яблочная водка — Здесь и далее прим. ред.*] слабо утешала меня в моем одиночестве. Делать мне было нечего, перечитывать вечерние новости надоело, и я уже, было, собрался встать, как в кафе вошел какой-то человек.

— Адольф! — крикнул я.

Вошедший протянул мне руку и сел около меня. Он полу раскрыл свое пальто и обнаружил под ним довольно хорошо сшитый фрак. Поверхностный, как выражаются фельетонисты, наблюдатель принял бы его за человека из высшего общества. Но он был только метрдотель.

Я люблю беседы с метрдотелями ночных ресторанов. У них можно почерпнуть любопытные свидетельства подлости мужчин и услышать оригинальные наблюдения насчет двуличия женщин.

Я познакомился с Адольфом в 1903 году, когда бары еще имели для меня прелесть запретного плода. Я велел подать для него рюмочку коньяку, и мы разговорились. Он сказал мне, что в настоящее время работает в «Королевском Фазане».

— Кстати, — продолжал он, смеясь, — я должен рассказать вам о последнем происшествии, свидетелем которого я был у нас в кабаре… Оно совсем свежо, так как случилось только вчера вечером, и достаточно поучительно… Представьте себе, что с некоторых пор мы заметили у нас и в соседних барах, какого-то странного посетителя. Это был высокий, лысый мужчина, с длинным подбородком, одетый в длинный сюртук и сидев-

ший всегда в одиночестве за своим бокалом. К молодым женщинам, подходившим к нему, он обращался с библейскими текстами и призывал на них милосердия провидения. Управляющий бара «Нарцисс», наиболее осведомленный человек на пространстве между площадями Бланш и Пигаль, обратился к Габи, статистке из «Сигаль»:

— Этот тип, мой малыш, шотландский священник. Его зовут Мак Джинджер. Он пресвитерианский пастор и борется с безнравственностью больших городов… Мой товарищ Эдуард, бывший экономом в «Карлтон», в Лондоне, видел его прошлой зимой. Он распространял там голубые крестики и брошюры на тему о добродетели.

— Так сказать, святая швабра, — определила Габи.

— Вот именно так.

Вчера вечером «Королевский Фазан» был полон. Женщины, сидя на бархатных табуретах цвета резеды, мурлыкали мелодии, которые играл испанский гитарист. Вдруг около двери послышался шепот.

— Вот он! — сказала большая Люлю, толкая в локоть свою подругу Леа. — Вот будет забавно!

— Вот этот? Пастор? Что он, аршин проглотил, что ли?

Уверяю вас, что это непочтительное замечание Леа было совершенно основательно. У достопочтенного Мак Джинджера была поистине смешная физиономия. Бритый, лысый, с глазами, подернутыми меланхолией, с выдвинутым вперед подбородком, он изрядно напоминал пуританских квакеров, погрузившихся на Мейфлауер [*Название судна, на котором прибыли в Америку первые английские эмигранты*], чтобы колонизовать Новый Свет. Он держал в руке, обтянутой шелковой перчаткой, книгу в кожаном зеленом переплете. Это была библия. Он занял место у стола по соседству с Люлю.

— Гарсон! — позвал он. — Джину!

Люлю и Леа, поджидавшие двух молодых людей, сильно увлеченных их пикантной красотой, подумали, что было бы занятно поболтать с апостолом.

— Добрый вечер, мсье, — сказала Люлю, с пленительной улыбкой.

— Добрый вечер, мое дитя, — ответил Мак Джинджер с большим достоинством. — Мы уже встречались в этом месте? Не правда — ли?

— Да…

Разговор завязался. Так как я находился около них, то не упускал ни слова. Люлю и Леа щипали

друг друга под столом и старались не смеяться.

— Не кажется ли вам, что вы нехорошо делаете, проводя ночи в этих гибельных местах? — сказал вдруг достопочтенный. Говорю вам, что вы идете по плохой дороге, привлекая своими взглядами мужчин, забавляющихся, здесь… Вы должны бросить это отвратительное занятие и работать своими руками, дарованными вам творцом.

Люлю прошептала на ухо своей подруге:

— Так… Он уже оседлал своего конька. Сейчас он поскачет…

Потом повернувшись к шотландцу, она наивно спросила:

— Но какую работу посоветуете вы мне, мсье?

— Мое дитя, нужно возделывать плодородную почву ваших предков, нужно разводить растения на чистом воздухе природы.

— Заставить произрастать горошек! — иронически пояснила Леа.

— Горошек, хлеб, все съедобные растения… Разводить также домашний скот: быков, коров, телят…

— Ты говоришь о скотах, — завизжала Люлю.

Мак Джинджер хотел продолжать свое апостольство. К несчастью, приход двух поклонников этих дам прервал его проповедь. Люлю и Леа

больше не обращали на него внимания, и он продолжал проповедывать «в пустыне». В это время к соседнему столу подсела очень элегантная женщина. Это была Регина Аликс, модная куртизанка, охотно покидающая свой великолепный отель на улице Хош, чтобы повеселиться в Монмартре украдкой от своего официального покровителя. Казалось, она хорошо знала достопочтенного патера, так как грациозно поклонилась ему. Мак Джинджер повернулся к ней и с достоинством ответил на ее поклон.

Регина села, расстегнула свое манто из американской куницы и заказала шампанского, лаская кончиками своих красивых пальцев великолепное жемчужное колье. Через пять минут она разговаривала уже со своим соседом. Она не смеялась над ним, о нет! Она не была похожа на Люлю и Леа, которые смеются над самыми священными вещами. В ней было сильно чувство порядочности, и она одобряла благородные мысли этого пастора.

— Ах! Как вы правы, мсье, — говорила она. Уже давно следовало бы оградить плотиной волну греха, угрожающую нам… Следовало бы перевоспитать эти несчастные создания, которые не верят ни в бога ни в черта…

— Вот поистине примерные слова. С этого вечера я буду молиться за вас, мадам, я живу в настоящее время в Париже, в семейном пансионе на улице Ваграм, 16.

— Но мы почти соседи, мсье. Я — Регина Аликс и живу на улице Хош 22-bis.

— Я польщен, мадам…

— Вы позволите, мсье пастор, предложить вам чашку чая? Я доставлю себе удовольствие вручить вам свою скромную лепту для вашего прекрасного дела.

— Мадам…

И достопочтенный с благодарностью поклонился.

Между тем в зал вошел какой-то молодой человек. Это был удивительно красивый юноша с профилем флорентийской камеи, гибкий, как газель и грациозный, как гимнаст. При виде его во взгляде Регины зажегся внезапно странный огонек. Она наклонилась к проповеднику.

— Господин пастор, — прошептала она, — вот молодой человек, для которого я… к которому я питаю большую симпатию… О, мне следовало бы краснеть, признаваясь вам в этом, но вы так добры, так снисходительны. Вы простите бедную грешницу, не правда — ли?

Она подыскивала слова и продолжала в большом замешательстве:

— Послушайте, господин пастор, я вам сейчас все открою, это будет лучше… Этот молодой человек и я, мы сейчас пройдем в отдельный кабинет, наверху… Но… О… как сказать вам это… Я не совсем знаю его. Я немножко боюсь остаться с ним наедине, потому что у меня на шее вот это колье… Вы понимаете?

Достопочтенный слушал, но, казалось, не понимал, к чему ведет его соседка.

— Господин пастор, — сказала она, — не согласились бы вы поберечь мой жемчуг, пока мы выпьем немного шампанского там, наверху?

Умоляющий взгляд кающейся грешницы победил сомнения священника, и он ответил:

— Мадам, я вам признаюсь, что я не очень охотно беру на себя ответственность за ваши драгоценности… Это слишком большая ответственность… Но, в виде исключения, чтобы сделать вам приятное…

— О, спасибо! спасибо!..

И Регина тотчас сняла свое колье и протянула его под столом пастору.

— Вы будете все время на этом месте, не правда ли? Вам не надоест? — прошептала она. Спасибо,

еще раз… Я скоро вернусь…

Регина встала, сделала незаметный знак Антиною в смокинге и исчезла.

Спустя несколько минут Мак Джинджер позвал лакея.

— Счет!.. — сказал он просто.

Он расплатился, оставил щедро на чай и солидно вышел, сжимая в своей руке книгу в зеленом кожаном переплете. Я не заметил этого, увы, так как был занят другими гостями.

Не прошло и десяти минут, как два человека в сюртуках вызвали нашего управляющего в вестибюль «Королевского Фазана». Они предъявили свои карточки инспекторов полиции.

— Мы должны осмотреть ваши залы, — сказал один из них. Здесь, по-видимому, находится один опасный английский мошенник, изображающий из себя пастора в ночных ресторанах. Мы получили предписание из Лондона задержать его.

Мой собеседник замолчал. Я заказал еще два стакана кальвадоса, и мы просидели до часу утра. Когда мы вышли из кафе дождя уже не было. Я прощался с Адольфом. В то время, как его силуэт обрисовывался в неясном еще утреннем свете на улице Мартир, я вспомнил его рассказ и подумал, что в нашу эпоху, когда Тристан переступил бы

через символический меч, чтобы заполучить Изольду [*Герои средневековой легенды, послужившей сюжетом для оперы «Тристан и Изольда»*], когда Дон Кихот был бы отведен полицейскими в ближайший приемный покой, когда Шарлотта [*Герои сентиментального романа Ж. Оне «Горнозаводчик»*] выбрала бы Вертера в крестники по объявлениям газеты «Парижская Жизнь» и когда горнозаводчик Даролей сломил бы сопротивление Клер Болье[*Романтические герои из романа Гёте «Вертер»*], при помощи внушительной пачки билетов лотереи «Национальной Защиты», я подумал о том, что в такую эпоху метрдотель ночного ресторана может быть вполне приемлемым героем романа.

I

— Знаешь ли ты новость, — сказал эконом младшему погребщику, проверяя на свет прозрачность бутылки Клоде Вужо. — Мсье Проспер собирается покинуть нас.

— Что? Мсье Проспер думает оставить «Розовый Фламинго?» Он поругался с управляющим?

— Нет. Он уходит, чтобы жить на свою ренту.

— А! Здорово!

Младший погребщик поставил корзину для бутылок на влажный песок погреба и посмотрел на эконома.

— Верно, мой малыш. Мосье Проспер — человек сумевший скопить кругленькую сумму в течение двадцати пяти лет, что он служит здесь в качестве первого метрдотеля.

— Сколько же ему лет?

— Шестьдесят. И он все такой же свеженький, как молодое Божоле [*Марка французского вина*]... Ну-ка лови эту бутылку и тащи ее на девятый номер.

Эконом с непочтительностью человека, пресыщенного гастрономическими наслаждениями,

послал бутылку Клоде Вужо в пространство, где она описала параболу, прежде чем попасть в черный фартук погребщика. Две минуты спустя его подчиненный преподнес эту бутылку ужинающим за столиком № 9, покоящейся в ивовой колыбельке и стал манипулировать с ней с осторожностью анархиста, переносящего адскую машину.

Мало-помалу новость облетела весь зал. В половине первого уже весь персонал кабаре «Розовый Фламинго» знал о скором уходе мсье Проспера, и это известие вызвало оживленные комментарии.

— Тем лучше, если Проспер уйдет, — заметил главный повар. — Он достаточно нечистоплотный тип.

— О!.. вы преувеличиваете, — запротестовал специалист по соусам. — Мне никогда не приходилось жаловаться на старого Проспера.

— Я знаю, что говорю… Когда я предложил ему делиться тайком от управляющего экономией от рыбы и птицы, он ответил мне: «Шеф, я такими делами не занимаюсь. И если вы будете себе это позволять, я открою глаза господину Пармелану». Вот какие разговоры!

— А все-таки… возразил посыльный, который

оставил вестибюль, чтобы доесть остатки какого-то блюда на краю стола, загроможденного овощами и шелухой от горошка мсье Проспер, это был туз… Ведь вы не слышите мнений публики… Многие завсегдатаи нашего ресторана говорили мне: «Мсье Проспер не простой метрдотель, он тонкий знаток своего дела…» И это верно! Я держу пари на сто су, что найдутся многие, которые бросят наше заведение, когда узнают, что мсье Проспер ушел.

Главный повар пожал плечами и плюнул в кастрюльку с белыми грибами по-провансальски.

— Вот вам! — пробормотал он. — Это их научит, как жалеть об этом старичишке…

Рядом с кухней, где два мальчика мыли посуду в баке с водой черной и грязной, как в главном коллекторе канализации, также толковали об этой новости.

— Старого Проспера будут жалеть все курочки нашего заведения, — сказал мускулистый, как гладиатор, высокий парнишка, который, вытерев тарелки, тер их о свои панталоны, чтобы лучше выразить свое презрение к посетителям «Розового Фламинго».

— Это верно, — добавил его товарищ с тряпкой в руке, — этот тип был привидением для всех

девочек в нашем районе… Ему ничего не стоило подыскать для них клиента.

— С такими комбинациями он, вероятно, здорово наживался…

— Альфред, прежний посыльный, которого ты не знал, как-то говорил мне, что старый Проспер получал по луидору за всякий марьяж.

— Мне, пожалуй, подошло бы такое занятие… Только я не питаю иллюзий, я не мог бы быть метрдотелем. Мне всюду это говорят.

— Почему?

— У меня скверно пахнет изо рта, это портит аппетит клиентам.

Правда и неправда были в разговорах, которые вел в этот вечер персонал «Розового Фламинго». Проспер был действительно королем метрдотелей. Его слава перешагнула далеко за пределы площади Пигаль, и кто только в Париже мнил себя гастрономом — знал Проспера из «Розового Фламинго». Этот доктор кулинарных наук любил свое дело по-дилетантски. Это значит, что он не пользовался им сам, но ему доставляло удовольствие заставить оценить его своих клиентов, на которых он смотрел как на своих учеников. Ему доставляло также удовольствие составлять меню, подбирать соответствующие вина к рыбе,

жаркому или дичи. Он работал таким образом для славы, потому что его личный режим запрещал ему все, кроме лапши и овощей, отваренных в воде; но он был доволен и его бескорыстие требовало только одной награды — блаженной улыбки удовлетворенного клиента, который, к концу трапезы, говорил:

— Проспер!.. я славно пообедал!

Он прятал тогда в карман чаевые, полученные им по заслугам, и, весь отдавшись своей страсти, шептал на ухо гастроному:

— В следующий раз, мсье, я вам приготовлю налимью печенку по-татарски и седло дикой козы, пропитанной кюрасо и хересом, вспрыснутым шприцем Праватца. Перед таким блюдом можно стать на колени. Вы увидите.

Посыльный был прав, утверждая, что отъезд Проспера будет потерей для кабаре. Но мальчик, мывший посуду, был неправ, когда обвинял Проспера в том, что он наживает деньги грязным сводничеством.

Мсье Проспер действительно был добрым гением маленьких одиноких женщин, но этот добрый гений не торговал своими услугами. Мсье Проспер был порядочный человек. Он брал на чай только от удовлетворенных обедающих. Он

отверг бы деньги признательной куртизанки, потому что на этот предмет, который так же близок к любви, как профессия биржевого зайца к суду исправительной полиции, у мсье Проспера были свои совершенно определенные взгляды. Он понимал жизнь. В течение тридцати лет ему приходилось присутствовать при достаточном количестве скрытых драм, трагедий, разыгранных под сурдинку волнующимися актерами, чтобы не проникнуться большим либерализмом в этом вопросе. Но тоскливо сидящая на скамейке девушка, содержанка, брошенная своим другом, будила в нем слишком много сожаления, чтобы ему пришло в голову воспользоваться ее отчаянием. Благородный и скромный, он выслушивал признания несчастной, утешал ее, давал ей советы и подавал ей надежду. Потом, как только представлялся случай, он сближал ее с кем-нибудь ужинающим в одиночестве, обращал на нее внимание сентиментального кутилы и полагал, что хорошо поступил, когда лицо красавицы, счастливое и проясненное, освещалось улыбкой ее накрашенных губ и подведенных глаз.

— Мсье Проспер? — говорили про него хорошенькие постоянные посетительницы ресторана, — он может примирить тебя с мужчинами.

И это не было лестью со стороны этих продавщиц любви. Среди них не было ни одной, которая не была бы ему обязана чем-нибудь. Поклонницы искусственного рая получали благодаря ему адреса продавцов кокаина или опиума; извращенные доверяли ему свои желания, которые он старался, сохраняя скромность, удовлетворить, устраивая нужные знакомства. Великий камергер передней греха, он постоянно вращался между ядами и истерическими припадками, никогда не марая себя, не изменяя никогда искренней сердечности выдавшего виды человека, глядящего на кутил и ночных пташек, как на детей, которым нужен руководитель и советник.

Однажды вечером Ивета де Мерланж, ужинавшая часто возле джаз-банда, поджидая своего друга, спросила его:

— Правда ли, мсье Проспер, что вы скромны?.. Моя подруга Коллет, сказала мне однажды, что вы никогда не развлекаетесь…

Мсье Проспер улыбнулся, поправляя на скатерти прибор и ответил:

— Да, мадам… Я похож на кондитера, который никогда не ест своих пирожных.

— О! мсье, Проспер, — жеманясь пролепетала мадам де Мерланж, неужели мы вам так про-

тивны?

— Вовсе нет, я просто благоразумен, мадам… Если бы я сделал первый шаг, вся наша лавочка туда бы пошла…

— У него, вероятно, старая ревнивая любовница, которая держит его в ежовых рукавицах, — говорили дамы из «Розового Фламинго».

— Или тайная связь со светской женщиной…

— Ой у него… простого метрдотеля!?

И кисловатый голос заключил:

— Вот важность! Светские женщины!.. Да что в них особенного? Они еще большие коровы с мужчинами, чем мы, вот и все.

Проспер Мижо, на самом деле, не был ни в связи с ревнивой любовницей, ни в плену у охваченной страстью женщины аристократического происхождения. Уже пятнадцать лет он жил с одной маленькой брюнеткой, занимавшей скромную должность кассирши в одной из дешевых столовых Дюваля.

Ее звали Луизой Меригаль. Ей было пятьдесят три года, она красила волосы, вдобавок у нее были угреватые щеки и заячья губа. К счастью этот неприятный недостаток скрывался под усиками, довольно удобными для того, чтобы ее поцелуи не теряли своей прелести и привлекательности.

Вдова стрелочника на Северном вокзале, случайно встретилась с мсье Проспером, понравилась ему и очень быстро позволила соблазнить себя его престижем первого метрдотеля в самом известном ночном ресторане Бутта. И то, что в начале было только случайностью, стало постепенно серьезной связью. Настолько серьезной, что мсье Проспер считал Луизу своей женой перед богом и людьми и устроил ей место кассирши в столовой на улице Мартир. Скромная и спокойная, она добросовестно исполняла свои обязанности, думая о ночных подвигах своего друга под золоченными люстрами «Розового Фламинго». Она, работавшая в дешевой столовой, посещаемой людьми, обездоленными судьбой, восхищалась своим любовником, игравшим такую важную роль при пышных оргиях ночных гуляк. Проспер никогда не изменял ей.

— Ты поступил бы нехорошо, если бы изменял мне, — говорила ему часто Луиза, когда он ночью возвращался на улицу Абес. Это был бы скверный поступок и добрый бог наказал бы тебя, наслав на тебя какую-нибудь болезнь.

Проспер смеялся над этими предсказаниями. Он с трудом представлял себе, что бог станет настолько интересоваться его частной жизнью и

будет стремиться наказать его, усеивая микробами тропинки зла и аллеи сладострастия. Но в то же время он думал о том, что «несчастье быстро проходит», что «игра не стоит свеч», и что было бы очень плохо с его стороны огорчать Луизу, которая была разумной и спокойной женой. Он не любил ее безумно, он не питал к ней той пожирающей страсти, которая нарушает человеческие уставы и порождает катастрофы. Ему, правда, уже немного приелась эта заячья губа, придавшая раньше ее поцелуям новое очарование и эти угри, делавшие круглые щеки его подруги похожими на английский окорок. Но он утешал себя мыслью, что ни одна женщина не совершенна. Даже самые красивые имели свои недостатки.

Он замечал в уборной «Розового Фламинго» маленькие детали, разбивающие иллюзии, подобно удару ножа мясника, перерезывающего подколенок теленка, который окровавленным падает на пол бойни. Он часто слышал, как очень хорошенькие посетительницы шутили в уборной относительно их внешних недостатков, густо покрывая кремами и румянами зеленоватую и пористую кожу лица. И он приходил к заключению, что поступает очень умно, держась на расстоянии от этих говорящих куколок.

В тот вечер в «Розовом Фламинго» происходил парадный ужин с котильоном. В сверкании хрусталя и драгоценностей, пары отдавались веселью, танцуя шимми и фокстрот. Четыре негра джаз — банда неслись, как четыре апокалиптических всадника. Они напускали на посетителей все бичи какофонии. Труба передавала в минорном тоне завывания грешника, погруженного в кипящую смолу; скрипач воспроизводил пронзительный визг хорька, пойманного в западню; пианист с руками, напоминающими больших черных пауков, распространял на клавишах лавину пиччикато, похожих на щекотание, и целые потоки арпеджио, звучавших как хлопанье бича; и, наконец, литаврист, страдавший, казалось, одновременно и верчением баранов, и пляской св. Витта, и горной болезнью, жонглировал палочками, барабаном, тарелками, литофоном, бубенчиками, автомобильной трубой и кастаньетами. И «цвет цивилизации», сидевший вокруг, слушал все это с видимым удовольствием. Никто из них не думал о том, чтобы положить конец этому оглушительному циклону. Ни одному из них не приходило в голову четырьмя револьверными выстрелами остановить этих четырех бесноватых, недавно прибывших с Пятой авеню

[*Улица миллионеров в Нью-Йорке*], где в течение года они доставляли своим диким шумом удовлетворение ночным гулякам Нового Света. Эти джентльмены в смокингах и эти полуобнаженные женщины, которые с пренебрежительной улыбкой смотрели бы на тамтамы караибов или на суматоху веселящихся Матабелэ, визжали от радости, слушая это, вошедшее в моду развлечение и бомбардировали друг друга с диким остервенением целлулоидными шариками, бумажными цветами и серпантином.

Проспер, в промежутках между заказами, наблюдал за ними с пресыщенной и немного меланхолической улыбкой человека, который должен сказать «прости» этим нервирующим забавам. Он узнавал здесь своих верных завсегдатаев, маленьких мужчин, часто находящихся в разладе с судебными властями; набитых золотом иностранцев, восточных лодочников или миллионеров неопределенной национальности, которые вчера еще ели руками, а сегодня окатывают Париж грязью своей необузданной роскоши; южноамериканских легкомысленных сеньоров с легко доставшимися им пезетами и молчаливых янки с беспредельным количеством долларов. Он узнавал здесь добрые старые

силуэты «Всего Парижа», участников грустного хоровода, несущегося с шумом, напоминающим бряцание костей скелета, из Монмартра в Довиль, из Биаррице в Монте Карло. Он видел под блестящими люстрами танго, отплясываемое злословием и алчностью, отвратительный кортеж лицемерия и лжи, тесно сплетающихся с диким разгулом. Ему казалось, что ужинающие, опьянённые крепким шампанским, склоняются над скелетами с обнаженными челюстями, и что жемчуг ожерелья украшает костлявые ключицы Смерти, нарядившейся в туалет с улицы Мира. Легкая дрожь охватила его, он пожал плечами и подумал, что эти глупые фантазии пришли ему в голову из романа, который он прочел накануне. Несмотря на то, что он получил только элементарное образование, он читал, он наблюдал, он обогащал свой опыт ежедневным общением с парижским веселящимся миром. И, раскладывая на десерт огромные ягоды клубники, завернутые в вату, как срезанные миндалины, он пробормотал:

— Я идиот… Все эти паяцы очень милы, и я желаю им продолжать их забавы до скончания веков.

И решив весело похоронить свою жизнь метр-

дотеля, он предался вдруг крайнему оптимизму. К чему вызывать скелеты? Зачем прибегать к ребяческому символизму, достойному завистливого рифмоплета, рычащего на богатство, как грязная уличная собачонка на гордую борзую? Все эти светские люди, все эти новоиспеченные богачи, все эти гуляки, все они очаровательные необходимые обществу, как разноцветные перья павлину. Наполнить их пустые головы слишком глубокими мыслями и слишком серьезными заботами? Для чего?.. Цирку нужны клоуны, чтобы забавлять детей, свету нужны снобы, чтобы развлекать бездельников.

И Проспер насыщал свои глаза и уши этим последним весельем. Он находил своеобразными и забавными увядших красавиц, вешавшихся на шею своим угрюмым кавалерам и трогательными старых кутил, нашептывавших мадригалы на ухо рассеянным куртизанкам. Они имели полное право веселиться. Во Франции, очевидно, смешное не убивает, раз дансинги и салоны не бывают усеяны каждое утро трупами и умирающими людьми.

— Господин барон, я имел много неприятностей из-за того, что хотел сохранить для вас этот столик… Вот там… Следуйте за мной господин

барон…

Барон Гедвиг только что вошел со своей супругой. Это была пара, о которой складывались легенды в «Розовом Фламинго». Они являлись сущим провидением для местных Билитис [*Греческая поэтесса, последовательница Сафо*] в момент денежных затруднений. Эта пара скандинавов, спокойных и упитанных, проявляла вызывающие вкусы Оленьего парка [*Загородный парк Людовика XIV, в котором устраивались самые разнузданные оргии*]. Со спокойной дерзостью людей богатых и довольных возможностью грешить вдали от своей родины, они являлись ужинать в «Розовый Фламинго», выбирали двух женщин, подходящих для времяпрепровождения, которое легенда приписывает митиленским девам, уводили их в отдельный кабинет и предлагали им развлекать их в то время как, сидя в креслах один против другого, они символизировали собой супружеское счастье и доброе согласие, свойственное хорошо подобранным брачным союзам.

Проспер, выслушав их заказ, повторил свое признание, которое он делал каждому из постоянных посетителей в этот вечер:

— Господин барон, это последний вечер, в кото-

рый я имею честь вам прислуживать.

— Как? Последний вечер?

— Да, я уезжаю в деревню.

— О!

Барон Гедвиг посмотрел на свою жену. Баронесса в свою очередь посмотрела на Проспера, и оба испустили новый вздох огорчения.

— Как жалко, — сказала баронесса. — Кто же будет теперь организовывать наши маленькие, фривольные ужины?

Она, казалось, была действительно огорчена уходом этого превосходного организатора тонких развлечений, этого опытного советчика, всегда оберегавшего их от любопытства полиции.

— Проспер, — сказал барон, незаметно просовывая сто франковый билет в полураскрытую ладонь метрдотеля, — мы теряем очень много с вашим отъездом. Мне нужен будет ваш адрес. Мы хотим вам прислать маленький подарок из Христиании… Пожалуйста, спросите Фернанду и Лили, не хотят ли они выпить с нами сегодня вечером шампанского?

Фернанда и Лили, восседая на высоких табуретах бара, обменивались фразами, обычными для не занятых куртизанок. Они толковали о дороговизне шелковых чулок, о низости мужчин

и о курсе доллара.

— Фернанда!.. Лили… — бросил Проспер, проходя мимо. — Норвежцы вас просят… Программа обычная… Десять луидоров каждой… Подходит?..

— Идет! — проворчала Фернанда, — таких клиентов, как эти, не каждый день найдешь.

А Лили, взбивая свои волосы, прибавила:

— Идем, моя малютка… Пойдем вместе думать о смерти Людовика XVI.

В три часа утра, в то время, как два англичанина, мертвецки пьяные, свалились в углу, и какая-то последняя пара в беспамятстве кружилась по паркету, Проспер собрал в подвальное помещение персонал «Розового Фламинго» и взволнованный прощался со своими сотрудниками. — Мне очень тяжело вас покинуть, — сказал он, наливая остатки вина из бутылок в стаканы своих друзей. — Да, вот уже почти тридцать лет, как я составляю меню для клиентов и ставлю шампанское на лед. Я буду вспоминать о вас в Мот-ан-Бри, куда я удаляюсь жить отшельником, и буду думать с волнением о том, что мы вдыхали вместе аромат английских блюд, пахнувших испанской кожей, и запах гуляк, напоминавших холодное мясо.

— В вас много жизненной силы, — сказал посыльный, похожий на полковника конной

гвардии, в своей красной форме с золотыми пуговицами.

— Я вам завидую, что вы отправляетесь сажать картошку и полоть салат. Это моя мечта…

— О вас будут жалеть здесь, мсье Проспер, — сказала со вздохом дама из уборной, тайно сгоравшая от любви к блестящему метрдотелю. — Я слышала сегодня вечером, как все дамы толковали о вашем отъезде. Крася губы перед зеркалом, они говорили мне: «Как жалко, что мсье Проспер уходит… Это был прекрасный человек, он часто спасал нас в трудную минуту и ничего не хотел брать в обмен… А это, мадам Кувиланж, очень красивый жест».

В то время как Проспер прощался в подвале, туда вошел бармен и обратился к нему немного таинственно:

— Мсье Проспер… Мадам Шарлотта просит вас наверх.

— Шарлотта, это крупная брюнетка?

— Да, та, что представила вас, помните, пьяному армянину… Она хочет с вами поговорить. Проспер поднялся наверх в бар, который был уже почти пуст. Только четыре самые верные посетительницы кабаре находились еще там.

— Мсье Проспер, — сказала Шарлотта с видом

немного застенчивой девочки, которая должна сказать приветствие своему дедушке. — Как только мы узнали о вашем отъезде, мы решили, Люсьен, Ирма, Жоржетта и я, предложить вам маленькую безделушку на память о наших хороших отношениях и в благодарность за вашу доброту к нам. О! Она не имеет большой ценности… Это только портсигар с нашими подписями, выгравированными внутри… Благодаря этому, мсье Проспер, вы нас не забудете.

Проспер, очень тронутый, открыл серебряный портсигар и прочел выгравированную внутри надпись:

Господину Просперу на память от признательных Люсьен, Ирмы, Жоржетты, Шарлотты

— О, — воскликнул он, — вы чересчур любезны… Я смущен… Совсем не нужно было…

— Ах, нет! Ах. нет! — протестовала Жоржетта, маленькая блондинка с рыжими волосами и острыми глазами, — мы вам так обязаны… Когда я думаю, что только благодаря вам я увидела впервые море…

— Нет…

— Это так. Вы прошлым летом познакомили меня с одним английским лордом, который повез меня в Брайтон… Еще никогда в жизни мне

не было так противно. Но все же я была очень довольна.

— Вы должны сохранить это в память о нас, мсье Проспер.

— Вы будете помнить, что нас было четверо, как три мушкетера, заключила Шарлотта, — и, если вы когда-нибудь в вашем уединении подумаете о нас, то сможете сказать, что в Париже есть три маленьких курочки и еще одна большая индейка, не забывающие вас своих молитвах к богородице голытьбы и св. Антонию мусорщиков.

Проспер был поистине тронут. Он положил портсигар в карман и сказал немного охрипшим голосом:

— Мне хотелось бы расцеловать всех вас, мои детки!...

И в то время, как бармен прятал свои стаканы и мешалки, Проспер целовал нежно щеки девушек. Это было патриархальное и очаровательное зрелище.

В четыре часа утра, пожав руку управляющему, мсье Пармелану, он очутился на площади Пигаль, пустынной и молчаливой. Первые отблески зари освещали небо, крыши домов выделялись своими изломанными краями на фоне розового сердолика. Он обвел взглядом это место, являю-

щееся центром мира, где люди развлекаются, и медленно направился к улице Абес. Он думал, не делает ли он ошибки, покидая «Розовый Фламинго». Не сожалеет ли он о своем решении. Нет! Он устал вдыхать пыль этого кабаре, устал улыбаться всем этим идиотам и слушать их глупый смех. Ах, каким приятным и успокаивающим ему покажутся деревенская тишина Мот-ан-Бри и деревенские прелести, после тридцати лет парижской жизни. Он ускорил шаги и поднялся в свою квартиру на шестом этаже. Луиза отворила ему дверь. Она была в рубашке и на ее лбу были маленькие папильотки. Более, чем когда-либо, она напоминала ему окорок в папильотках. Но удовлетворенная душа Проспера не остановилась на этих сравнениях, оскорбительных для жены стрелочника. Он обнял свою подругу и сказал ей весело:

— Луизета, с четырех часов пяти минут я простой рантье. «Розовый Фламинго» больше меня не увидит.

— Тем лучше, — ответила Луиза. — Благополучно ли прошел последний вечер?

— Посмотри!

И широким взмахом руки Проспер бросил на стол семьсот пятьдесят франков: результат чае-

вых и подарков от старых клиентов.

— Ну что, моя старушка? Я получил семьсот пятьдесят франков с одиннадцати часов вечера до двух часов ночи, вот как меня ценят!..

— Еще бы!

— И это не все… Подожди немного… Закрой глаза. Смотри!.. Серебряный портсигар блеснул в его руке.

— О! Подарок!

— Да, ты угадала. Память… Это женщины из бара сложились чтобы подарить его мне!..

Такое объяснение опечалило Луизу.

— Этот портсигар дали тебе женщины?

— Да!

— Покажи!

Луиза открыла портсигар и остановилась на выгравированной надписи. Она прочла ее вполголоса и повторила:

— Люсьен, Ирма, Жоржетта, Шарлотта… Красиво, нечего сказать!..

— То-есть как, красиво?

— Ты принимаешь подарки от проституток?

— Извини… Они поднесли мне официально, при всех, этот маленький подарок. Здесь нет ничего неприличного. В этом нет ничего общего с подарком, который кокотка сует под подушку

своему возлюбленному.

— Послушай… Я нахожу очень странным, что эти добрые женщины раскошелились на такую драгоценность так просто. Здесь что-то нечисто…

— Луиза! Ты шутишь…

— Не за твои же прекрасные глаза преподнесли они тебе «признательную благодарность»

— Ты с ума сошла!

— Брось, мой милый, ведь я не вчера родилась.

— Это видно по твоей роже. Как бы то ни было, ты мне сделаешь одолжение и не будешь пользоваться этим портсигаром в моем присутствии.

Проспер пожал плечами.

— Ах, оставь меня с твоим паршивым портсигаром, — добавила Луиза. Они не разорились ради тебя, эти твои приятельницы.

— Паршивый, этот портсигар?.. С гравировкой по углам и с замком с рубинами?

— С рубинами из мостовой, мой дорогой.

— Ты мне надоела. Когда ты бросишь в конце месяца свою столовку, посмотрим, подарят ли тебе твои клиенты пианино.

И, облегчив душу этими резкими словами, Проспер спрятал свой портсигар в ящик ночного столика. Он лег около Луизы. И в то время, как его

подруга похрапывала, лежа на спине, он грезил о цыплятах и кроликах, которых он сможет купить на семьсот пятьдесят франков с его прощального вечера.

II

Мот-ан-Бри — это деревня, не более живописная, не менее безобразная, чем большинство селений в Бри. Она пересекается одной большой улицей и изборождена переулочками, где фермерские дворы чередуются с огороженными садами. Группы зеленых деревьев окружают черепичные дома, как пучки петрушки лангусту, и колокольня высится над крышами, как шахматный король среди пешек.

Мот — ан-Бри имеет все прелести деревень старой Франции; заставу, полевого сторожа, привокзальное кафе и своего идиота. Идиот — это человек с зобом, которого муниципалитет терпит за то, что он выполняет обязанности чистильщика. Он поедает все кухонные отбросы и заменяет таким образом и человека и телегу.

Среди других достопримечательностей Мотан-Бри, следует отметить главных посетителей трактира, а именно: Ласонжа— сборщика податей, Тру — помощника мэра, Бигарса— нотариуса в отставке и Мандибеля— кузнеца. Эта четверка неразлучных друзей играет в Мотан-Бри роль

норн [*Норны — богини судьбы*] из германской мифологии. Они не держат в своих руках судьбу обитателей Валгаллы [*Валгалла — рай в мифологии северных народов*], но они неусыпно следят за делами деревни и ее жителей. Они интересуются даже делами, которые их совсем не касаются, и нисколько не стесняются в крепких выражениях, обсуждая действия и поступки соседей.

Переезд Проспера Мижо и Луизы Меригаль в Мот-ан-Бри был целым событием. Проспер получил в 1904 году в наследство маленькое имущество, полу ферму, полу жилой дом, расположенный на углу дороги Куломье и главной улицы в северной части деревни. Все знали, что ферма перешла в руки какого-то парижанина, профессия которого не была точно известна. Одни утверждали, что Проспер был пианистом в кинематографе, другие, — что он управлял баром в мюзик-холле на бульваре, еще некоторые злословили, что он проводник по заведениям Монмартра. Но так как Проспера не видали никогда раньше в деревне, то его положение оставалось невыясненным. Когда узнали, что он распрощался со своим домом в Париже и собирается поселиться со своей женой на маленькой ферме, любопытство жителей Мот-ан-Бри возрос-

ло, и мсье Тру, помощнику мэра, было поручено разузнать обо всем подробно. Тогда только узнали удивительные подробности о человеке, желавшем закончить свои дни в Мот-ан-Бри.

Мсье Тру, родившийся в Тулоне и любивший преувеличивать, заявил своим соотечественникам, что Проспер был управляющим самого известного кабаре в Монмартре, что он посещал наиболее знатных людей столицы, и что он удаляется в Мот-ан-Бри после того, как скопил состояние.

Приезд Проспера еще больше поднял его престиж, раздутый сообщениями помощника мэра. Его вид внушал к нему уважение. Он сильно по ходил на президента американской республики своими солидными, широкими плечами, энергичным взглядом и седыми волосами. Он никогда не злоупотреблял плотскими удовольствиями, и потому все еще сохранял крепкое здоровье и непоколебимый оптимизм. Мсье Тру, исследовавший прошлое своего согражданина и будучи счастлив, что его коммуна обогатилась таким почтенным администратором, первый хорошо принял вновь прибывшего и засвидетельствовал ему общее уважение. Он решил лично ввести Проспера в кружок привокзального кафе. Не без

горделивого чувства он объявил однажды вечером своим друзьям:

— Господа, я имею удовольствие сказать вам, что мсье Проспер с будущей недели примет участие в нашей игре. Как только он устроит свой дом, он будет нашим и вы увидите, говорю ли я правду, уверяя вас, что это прекрасный человек.

— Так! Так! — проворчал кузнец Мандибель. — Вы всегда приходите в экстаз при виде парижан! Достаточно того, что человек приехал из Парижа, чтобы вы уже потеряли голову... Я убежден, что этот ваш парижанин не сумел бы смастерить простого ключа.

Тру собрал свой табак в пакетик и возразил с превосходством образованного человека:

— О, вы, Мандибель, настроены враждебно к прогрессу, к большим городам, к науке, ко всему, что противно вашим старым привычкам и что выводит вас из вашей темноты!

— Так!.. Так!.. Ваши большие города, это гнезда притворщиков и бездельников, которые боятся марать свои жакеты... Все наши парни бросают нас, чтобы попасть в Париж, потому что там они находят кино и девок... Франция могла бы отлично существовать и без Парижа. Не правда ли!.. Между тем как Париж подох бы с голоду без

мужиков, которые дают ему хлеб… Нет, вы не разубедите меня в этом!..

Бигарс и Ласонж толкнули друг друга локтями, подмигивая глазами. Они часто смеялись над антагонизмом, существовавшим между Тру и Мандибель, над вспыльчивым южанином и спокойным уроженцем Бри. Ах! Этот Мандибель настоящий тип старых деревенских жителей! Со своим длинным подбородком, носом, усеянным угрями, с пучком белых волос на морщинистом лбу, он был искренним поборником деревенской жизни, защитником презираемой земли, покидаемой своими неблагодарными сынами. Он хвастал, этот старый упрямец, что никогда не ступит ногой в Париж и умрет, не повидав Эйфелевой башни. Он вовсе не был глуп, далеко нет! Забивая гвозди в подковы лошадей, он рассуждал вполне логично и возражал всегда умно.

— Мсье Проспер будет нашим добрым гостем, — сказал нотариус, говоривший елейным тоном итальянского прелата и восхищавшийся в глубине души, что человек посвященный в тайны парижской жизни, оживит их разговоры.

— Кажется, у мсье Проспера были там очень хорошие связи? — добавил сборщик податей Ласонж, тасуя карты.

— Ах, мой дорогой, — вскричал помощник мэра с видом осведомленного человека, который мог бы долго говорить на эту тему, — вы и не представляете себе каким кабаре управлял мсье Проспер! Это неслыханно… Там платят за бутылку шампанского сто двадцать франков, за ножку цыпленка пятьдесят франков, за ломтик ветчины двадцать пять франков и за апельсин десять франков… Оно называется «Розовый Фламинго». Американские миллиардеры, самые шикарные типы Парижа, танцуют там под музыку негритянского оркестра.

— Негритянского?

— Да, мой друг… И всю ночь с голыми женщинами, обвитыми серпантином и пьющими шампанское прямо из горлышка.

— Слушать это, и то становится противно, — проворчал кузнец.

— Подумайте только, мсье Проспер испытал все… Он был на «ты» с князьями и маркизами… Впрочем, вы сможете попросить его самого рассказать вам некоторые воспоминания из его жизни.

Мандибель пожевал свою глиняную трубку, конец которой был обвязан скрученной веревочкой и сказал, покачивая головой:

— Так!.. Так!.. Я понимаю, что это значит. Нужно будет надевать белые перчатки, чтобы снять карты этому господину.

— Да нет, мой старина. Вы заблуждаетесь. Вы увидите сами, что он очень простой и добрый…

При этом сборщик податей раздал карты для манильи [*Манилья — карточная игра*]. Бигарс объявил пятьдесят пять. Ему засчитали очко. Игра только началась, как старый Мандибель покачал головой и заметил, скорее для себя, чем для других:

— Черт возьми!.. пятьдесят франков за цыплячью ножку! Сколько же нужно заплатить в этом заведении за две ноги какой-нибудь потаскушки?..

Появление Проспера в привокзальном кафе было целым событием. Бригреду, хозяин кафе, был взволнован предстоящим посещением своего скромного кабачка королем лимонада. Он принял его с видом скромного литератора, принимающего у себя знаменитого писателя. Тру пригласил Проспера сесть рядом с ним на табурет, в то время как нотариус, сборщик податей и кузнец уселись напротив на плетеных стульях. Лицо Ласонжа напоминало лисью мордочку, а глаза его были красны, как у добросовестного чиновника,

проводящего все вечера за проверкой счетов и за справками по книгам податей. Он никогда в своей жизни не знал кутежей, бедняжка, но он пожирал со страстью романы, в которых говорится о парижских нравах, где автор описывает чудесную жизнь гуляк и ночных посетителей кабаре, посвящает читателя в дурманящие сцены, полем действия которых являются отдельные кабинеты, и собирает пикантные подробности относительно жизни известных кокоток. И теперь Ласонж уже заранее предвкушал любопытные откровения, которые их новый друг не замедлит им сделать.

Бигарс, как хитрый нотариус и большой дипломат, наблюдал за Проспером через свои очки. Он соперничал в любезности с сборщиком податей и выказывал при помощи ловко составленных фраз свое удовольствие от знакомства с их новым партнером. Только один Мандибель молчал, он не спускал глаз с Проспера и, держа руки в карманах своих бархатных брюк, казалось, хотел сказать:

— Ну что же!.. Он не представляет собой ничего особенного, их парижанин!

Проспер говорил о своем устройстве на ферме и ссорах с железной дорогой из-за своей обста-

новки. Потом Тру предложил сыграть в рамс [*Карточная игра*]. Собираясь впятером, они часто играли в эту легкую игру, вызывавшую всегда у Ласонжа шутки относительно пиковой дамы. Жетоны заменялись спичками и каждая спичка стоила пол сантима. Однажды нотариус предложил увеличить ставку для большего азарта; но Мандибель, будучи довольно скупым и нелюбящим проигрывать, запротестовал:

— Сантим очко! Э, нотариус, вы видно, здорово обобрали ваших клиентов за тридцать лет службы!

Бигарс не любил таких шуток. Он посмотрел на кузнеца из-под своих очков, в то время как заместитель мэра покрякивал от удовольствия, раздавая карты.

У Проспера было удачное начало. Нотариус открыл даму пик.

— Прекрасная женщина, — сказал сборщик податей, повторявший уже в течение десяти лет это выражение.

Тру посмотрел в свои карты, нотариус тоже. Мандибель почесал подбородок и, колеблясь, протянул руку к даме пик.

— Ну-ка, возьмите ее, — сказал Тру. — Она полна козырей, как селедка икры.

— Так!.. так!.. Я предоставляю ее мсье… Он лучше меня знает бесстыдных женщин.

Проспер взял даму улыбаясь, и открыл рамс. Он выиграл пятнадцать спичек. Партия продолжалась целый час. Проспер закончил ее с восьмьюдесятью спичками. Выиграв восемь су он благородно предложил своим партнерам выпить по рюмке старого коньяку и начал рассказывать им о «Розовом Фламинго», так как все они, за исключением Мандибеля, умирали от желания узнать подробности относительно знаменитого кабаре. Про них можно было бы сказать: нетерпеливые ученики Монмартрского Мефистофеля, страстно жаждущие следовать за ним по приключениям Вальпургиевой ночи…

— Не правда ли, — сказал Тру, задававший точные вопросы, чтобы показать, что у него есть технические познания в области науки кутежей, — вашими лучшими клиентами были аргентинцы и американцы, приезжавшие на некоторое время в Париж?

— Да, вы понимаете, что с их оборотами это нетрудно. Ужин в пятьдесят луидоров — это для них сущая безделица… Не говоря уже о суммах, которые они швыряют на женщин. У нас был один тип из Нью-Йорка, являвшийся к нам каж-

дую субботу в отдельный кабинет с четырьмя птичками… Знаете, что являлось для него самым большим развлечением. Бросать билеты в десять долларов за спину каждой из них и предлагать остальным доставать их зубами.

— Ах! Тысяча чертей и одна ведьма им в зубы… — воскликнул Мандибель, хлопая себя по ляжкам.

Нотариус покачал головой с видом знатока. Сборщик податей, взволнованный этим рассказом, промочил себе горло коньяком. Бледные описания последнего романа Октава Фалье, который он не давно прочел, ничего не стоили по сравнению с открытиями Проспера и стушевывались перед его рассказами. А Тру, закрыв глаза, казалось, торжествовал: «А что я вам говорил!» Но ничего не действовало на насмешливое настроение старого Мандибеля, который повторил, ударяя себя по бедрам:

— Банковские билеты в пропасть!.. Ах, чтоб вас! Но какие же капиталы должны быть у них?..

— И заметьте, — возразил Проспер спокойно, что этот американец не являлся исключением. Я мог бы написать целые тома об этом, если бы владел пером… Вы понимаете, в течение тридцати лет я наблюдал за важными сделками, за

подозрительными комбинациями, за причудливыми выдумками знатных кутил, у которых есть деньги, чтобы тратить их, и желания, чтобы их удовлетворять… В конце концов, привыкаешь… Когда я входил в комнату, где какой-нибудь старый, обросший волосами тип, с перевернутым ведерком от шампанского на голове вместо шляпы, забавлялся, давя клубнику на обнаженной груди маленькой равнодушной женщины, я даже не удивлялся и только просто говорил лакею: «Прибавьте к счету № 5 еще восемьдесят франков за ягоды…» В общем все это кажется чем-то особенным со стороны, вблизи же вовсе не обращаешь на это внимание.

— А все-таки, — сказал нотариус, вытирая очки, — люди часто бывают отвратительными…

— Вовсе нет… От времени до времени им просто надоедает постоянно лицемерить, так как предрассудки держат их на цепи. И тогда они начинают прыгать, чтоб немножко отойти.

На часах кафе пробило семь. Проспер встал, пожал руки своим новым друзьям и вышел.

— Ну что? — спросил помощник мэра.

— Вы были правы, — сказал нотариус, он страшно интересен.

— И не гордый, вы обратили внимание, — доба-

вил сборщик податей.

— Я сразу же принял его за порядочного человека. Я не ошибся, — закончил помощник мэра. Но у старого Мандибеля тоже было что сказать. Он прибавил:

— Так!.. так!.. Я не понимаю, чем бы он мог гордиться перед нами. Ведь по существу он, можно сказать, просто бывший владелец публичного дома.

Остальные запротестовали. Они считали себя лично оскорбленными заключением кузнеца.

— «Розовый Фламинго» не публичный дом, настаивал Тру.

— В этом нет ничего неприличного держать ресторан, — сказал Бигарс.

— Мсье Бигред тоже управляет привокзальным кафе… Неужели вы будете о нем также отзываться, как о мсье Проспере, дядюшка Мандибель? — спросил Ласонж.

Но дядюшка Мандибель был упрям. Он ударил по столу своей трубкой и ответил:

— Я сказал бы это и мсье Бигреду, если бы он разрешал своим посетителям бросать билеты в сто су за спину моей жене.

* * *

Это июньское утро сияло от солнечного света. Деревня, обильно орошенная ночной грозой, сверкала своей мокрой травой и влажными ветвями. Проспер, в калошах и рубашке со спущенными рукавами, взял Луизу за руку, и стоя вместе перед деревянным забором, отделявшим огород, они вдыхали легкий воздух и наслаждались солнцем.

— Ну что, моя старушка, — сказал Проспер — не совсем похоже на площадь Пигаль?

— Конечно… Посмотри на эту зелень и сравни ее с несчастными деревьями в Антверпенском сквере.

— Знаешь, что я тебе скажу? Слушай! Я был идиотом, что не расстался с этой проклятой лавочкой еще пять лет тому назад. Конечно, в таком случае я скопил бы меньше денег, но разве нужны они, чтобы жить здесь. Наш огород полон овощей… А ты имеешь кроликов в клетке и птицу во дворе… Фрукты можно будет продавать… Итак, чего же нам не хватает, чтобы быть счастливыми? Негров, бьющих в кастрюли и напудренных девиц? Нет, покорно благодарю… Мне кажется, я так полон воздуха, что скоро взлечу вверх.

— Продолжай, глупенький…

— Это еще не все, Луиза, нам нужно разделить между собою труд. Ты должна заняться птичьим двором… Ты ведь знаешь, что цыплят и кроликов недостаточно кормить только ласками. И ты еще не все сделала, когда повязываешь голубую ленту вокруг шеи большого черного кролика… Ведь эти животные нуждаются в ежедневном уходе за ними.

— Отлично. Проспер. Я лучше знаю это дело, чем ты.

— Я же с своей стороны буду занят огородом и фруктовым садом… Пять гектаров земли под сенокосом я поручу Матье, нашему соседу, который будет ее обрабатывать из трети урожая… Он даст мне также молодых побегов для прививок… Я уверен, что если я умею пересаживать капусту и полоть горошек, то я сумею также прививать грушу к глицинии…

— Ах ты, горе земледелец!

— Болтай себе сколько хочешь, моя Луиза, и пойди посмотри, не поднялся ли наш салат со вчерашнего вечера?

И чувствуя себя счастливыми, как два владельца замка в своем новом парке, они склонились над салатом и нежно смотрели на маленькие

его ростки, достойные участвовать в кукольном хозяйстве.

— О, — воскликнул Проспер. — Вот улитка на пятом, направо… Не двигайся, Луиза… — Он склонился, положил улитку между двумя сучками дерева и раздавил ее в аллее.

— Ты видишь, — сказал он важно, — как нужно за всем следить. Я читал в земледельческом словаре, что улитка пожирает в один день зеленых листьев в семь раз больше своего веса. Двадцать пять улиток могут начисто объесть грядку салата в сорок восемь часов. Напоминай мне каждый вечер поливать салат раствором уксуса, рвотного ореха, двууглекислой соды и серы.

— Ты еще нас отравишь, мой бедный друг!..

— Луиза, ты ничего не понимаешь в этом. Смотри лучше за своими кроликами.

За главным корпусом дома находилось нечто вроде гумна, клетка для кроликов и курятник.

— Посмотри на этих очаровательных крошечных русских кроликов…

Луиза взяла одного за уши и положила к себе в передник.

— Послушай, — заметил Проспер, наклонившись над животным. — Что это такое? Его глаза совершенно красные…

— Так что?

— Не думаешь ли ты, что они больны, твои крошки?

— Ну, умная голова, у русских кроликов глаза всегда красные! Ах! мой бедняжка, я советую тебе быть здесь, в деревне, осторожным. Здесь тебя живо поднимут на смех, да еще как!

Они направились в сторону курятника.

— Вот два! — воскликнула, торжествуя Луиза.

— Два чего?

— Два яйца… Они совсем теплые.

Курица взлетела, забила неловко крыльями и закудахтала от страха. Ее минорные кудахтанья разбудили петуха, спавшего в углу, как удовлетворенный Дон-Жуан после удачного приключения. Он сначала последовал из принципа за курицей, затем нерешительно остановился и посмотрел своим круглым глазом из-под взъерошенного гребешка на Луизу и Проспера. Казалось, он требовал от них, чтобы они оставили его на будущее в покое и не отгоняли от него его кур, занятых своей низменной работой ежедневной носки яиц.

— Не кажется ли тебе, что у него дерзкий вид, у этого петуха? — сказала весело Луиза.

— Он напоминает мне Фреди, этого франта, который приходил к нам в «Розовый Фламинго»

забавляться с девицами, влюбленными в его рот с золотыми зубами.

— Осторожнее! — воскликнула Луиза, ты чуть не раздавил утку.

Нога Проспера уже действительно наступила на белую утку с желтым клювом, которая, спрятав голову под крыло, мечтала о недоступных червяках в раю, полном болот. Она кое-как полетела в сторону гумна и упала в экстазе на старый кусок ремня, лежавший в пыли. Размяв плоским клювом заплесневелую кожу и убедившись, что это не съедобно, она отбросила ее в сторону и села под тачку обдумывать свои пессимистические мысли относительно этого света, полного разочарований.

Прежде чем войти в дом, Проспер и Луиза приласкали дворовую собаку, уступленную им прежним владельцем. Ее звали Томат. Конечно, это не очень подходящее имя для собаки, но судьбе угодно было, чтобы она принадлежала некогда одному английскому мальчику из Шантильи, окрестившему ее «Томагавк» [*Индейский топорик*], в память Майн Рида и Фенимора Купера. Ее второй хозяин переделал Томагавка в Томата. Эта неуважительная кличка, впрочем, подходила, как нельзя лучше, к собаке, которая была доброй,

но некрасивой… Он был зачат однажды в дождливый день русской борзой, внезапно влюбившейся в пуделя. В результате этой связи получилось нечто неопределенное. У Томата была длинная морда и длинный хвост его отца, тонкие лапы и полное туловище его матери. Он был похож на печную трубу, поставленную на четыре солодковых корешка.

— Это чудесная сторожевая собака, — уверял их владелец Томата. — Когда она на дворе, вы можете спать вполне спокойно.

Проспер и Луиза должны были констатировать вскоре, что великодушный даритель несколько преувеличил храбрость Томата. Однажды поздно вечером, в сад зашел бродяга попросить милостыню. Проспер пошел выпроводить его. Когда он вернулся в кухню, Луиза заметила:

— Каким образом Томат впустил этого человека?

— Это правда… Он даже не лаял…

Удивленный Проспер позвал собаку через окно. Томата не было ни в будке, ни во дворе, ни на гумне. Проспер обошел весь дом и нашел собаку дрожащей от страха всеми своими четырьмя конечностями, во дворе, под большой бочкой от вина. Разочаровавшись в храбрости Томата,

Проспер и Луиза все же продолжали любить его, как любят, несмотря ни на что, уродливого, плохо воспитанного и обжорливого ребенка. Если Томат не блистал ни красотой, ни смелостью, то он был замечателен своим аппетитом. Он проскальзывал на кухню и съедал заднюю часть барашка быстрее, чем можно было бы ее разрезать; съев баранину, он осторожно проносил кости к будке собаки соседа, дяди Матье; потом, с невинным видом, возвращался к столу, чтобы выпросить маленькую добавку.

— Посмотри на этого большого неряху, — говорил Проспер, — он думает только о том, как бы поесть и поспать. Но стоит только какому-нибудь щенку, величиной с кулак, залаять на него, как он прячется скорее за курятник… В будку, обжора!..

И как бы испытывая садистское удовольствие при выслушивании этих жестких истин, Томат смотрел на Проспера, обмахиваясь хвостом и облизывая свои отвислые губы, с угрюмым и лицемерным видом иезуита, берущего жизнь с ее хорошего конца.

* * *

Нотариус жил на базарной площади. Столовая его жены служила после воскресной обедни

местом свиданья для дам Мот-ан-Бри, приходивших сюда выпить рюмочку муската и слегка позлословить. В это утро мадам Бигарс, Ласонжи, мадемуазель Фифрелет, школьная учительница, разговаривали с увлечением. Никогда еще их собрания не были такими оживленными, как со дня замечательного события, т. е., приезда Проспера в деревню.

— Я заявляю вам определенно, — сказала мадам Бигарс, — я готова отдать руку на отсечение, что они не женаты!

— Как, неужели она не его жена?

— О! Жена нотариуса бросила взгляд на своих шокированных собеседниц. — Они живут, как муж и жена, — утверждала она.

Это выражение «как муж и жена» звучало отвратительно для ушей добродетельной мадемуазель Фифрелет и святоши мадам Ласонж. Оно символизировало им испорченность современных нравов, извращенную жизнь и дерзкий вызов обычаям и приличию.

— Они живут как муж и жена? — бормотала мадам Ласонж.

— Да! На мой взгляд это старая связь.

— Старая связь! О!

— Это слово было еще ужаснее, но мадемуазель

Фифрелет, не стыдившаяся употреблять смелые слова, когда того требовали обстоятельства, пояснила:

— Итак, мадам Бигарс, вы полагаете, что он жил бы даже с бывшей певицей.

— Ну что вы! Ведь вы ее еще не видели, как же вы говорите это, — протестовала мадам Ласонж.

Конечно, в ней слишком мало изящества, но вы знаете, как мужчины странны!

— Все это только предположения, Мадам Бигарс, так как, в конце концов, вам ничего неизвестно… Разве ваш муж видел их документы?

— Нет. Их дела ведет нотариус из Куломье…

— Но то, что мне сказала позавчера мадам Тру дает право так говорить… В то время как ее муж собирал справки в Париже в доме господина Проспера, почтальон принес заказное письмо, адресованное мадам Луизе Меригаль. Но консьержка сказала ему: «Мсье Проспер и мадам Меригаль не живут здесь больше».

— Значит его жену зовут Луиза Меригаль?

— Итак, это не его жена?

— Может быть, это ее псевдоним? Может быть, она пишет в журналах?

Предположение мадемуазель Фифрелет забавляло мадам Бигарс.

— У вас богатая фантазия, — сказала она.

В это время вошла мадам Тру. Она вернулась из церкви и, казалось, сгорала от желания рассказать какую-то новость.

— Вы говорите об этой парижанке? — сказала она, усевшись на стул. — Вы сейчас услышите нечто интересное.

— О!

— Я возвращаюсь из ризницы, где разговаривала после обедни с священником. Мой муж запрещает мне беседовать с ним, так как это может повредить ему при выборах в Генеральный Совет; но я ему сказала на это: «Альберт, моя совесть — это моя совесть. Ты не можешь мне запретить говорить с духовником…» Короче говоря, знаете, что я услышала из уст самого священника? Он, конечно, сделал визит мадам Проспер и сказал ей, что надеется иметь ее в будущем своей прихожанкой. Тогда она ему ответила: «Господин священник, я вам очень благодарна, но я не нуждаюсь в вашем посредничестве, чтобы быть услышанной добрым богом. Когда чего-нибудь хочешь, всегда лучше обращаться к самому хозяину, чем к его служащим. Я буду давать вам ежемесячно пять франков на бедных, но увольте меня от обязанности рассказывать вам о моих

прегрешениях, которым вы все равно не можете помочь, и от обязанности смотреть, как вы, каждое воскресенье, проглатываете нашего господа в облатке от аспирина.

— О! Она сказала это! с возмущением воскликнула мадам Ласонж.

— Разве таким языком говорит хорошая супруга? — сказала жена нотариуса. — Поверьте мне, такая женщина способна на все…

— Конечно. Нужно иметь грубый ум, чтобы сказать священнику, что он ест бога.

И после этого неприятного заключения, мадемуазель Фифрелет попрощалась с мадам Бигарс. Направляясь к своему дому, она прошла мимо привокзального кафе и встретила Проспера со своей женой, выходивших оттуда после завтрака. Она ответила сухим поклоном на приветствие рантье и подумала в глубине своей души старой девы, строго нравственной и сухой, как пергамент:

— Чтобы нравиться теперешним мужчинам, нужно смеяться над религией и уметь подымать ноги… Благодарение богу, я такой не буду.

И при одной мысли, что насмешливый домовой мог бы обнажить ее перед собранием зубоскалящих самцов, она потуже подобрала свою юбку и

поспешила к себе вдоль низких домов.

III

Известие, что мадам Проспер, возможно, незаконная жена господина Проспера, облетело весь Мот-ан-Бри. Оно повредило репутации парижан в сердцах женщин, но в то же время подняло их престиж в глазах большинства мужчин.

— Так что из этого? — заявил в кафе Тру. Даже если бы они не были вовсе женаты?.. Хорошенькое дело. Нужно увязнуть по самые плечи в болоте предрассудков, чтобы так думать о самых естественных вещах. Свободный союз не создан для зулусов.

— Нет! Для собак, — проворчал Мандибель.

Сборщик податей, не разделявших вовсе либеральных взглядов помощника мэра и нотариуса, робко заметил:

— Все-таки… они могли бы это оформить.

— Пойти сказать перед мэром «да» после пятнадцатилетней совместной жизни!.. Ха-ха-ха! Старый Мандибель находил это смешным. Он плюнул на опилки, лежащие на полу и прибавил:

— После ужина горчица? Ну нет, мсье Ласонж,

мы придерживаемся других взглядов, мы люди не теперешнего века. Мы не парижане! Если бы мы были парижанами, вы бы ухаживали за моей женой, а я за вашей… Все в одной постели; свиньи тоже нашли бы там своих поросят. Нотариус покачал головой.

— Дядюшка Мандибель, неужели вы думаете, что только в Париже развратничают? Но, мой добрый друг, когда я был нотариусом в Орильяке, мне приходилось быть свидетелем сценок из жизни добродетельной провинции, достойных кисти Фрагонара.

— А в Тулоне, где я родился! А в Руане, где я жил пять лет! — добавил помощник мэра. — Я ручаюсь вам, что так будет повсюду.

Но дядю Мандибеля трудно было переубедить.

— Так!.. — Так!.. — заключил он. — Чем больше я вижу людей, тем больше я питаю уважения к лошадям, которых подковываю.

Но уже подошло время садиться за игру. Вошел Проспер. За два месяца своего усердного посещения привокзального кафе, он приобрел многочисленные знакомства и председательствовал теперь с важным видом, сидя на табурете. Он пожал всем руки и подошел к своим друзьям, чтобы начать игру. Между двумя партиями иг-

ры, помощник мэра, который забыл дома свои папиросы, хотел послать мальчика из кафе в табачную лавку.

— Вы курите марилендский табак? — спросил Проспер. — Пожалуйста!..

И он протянул свой портсигар Тру, который, беря папиросу, увидал надпись.

— О!.. Покажите, мсье Проспер…

Он громко прочел надписи и щелкнул языком.

— Черт возьми! Вот здорово… Люсьен, Ирма, Жоржетта, Шарлотта, целый гарем.

— Нет. Это подарок, преподнесенный мне перед отъездом клиентками «Розового Фламинго».

— Маленькими кокотками?

— Вы хотели сказать — светскими женщинами, — небрежно поправил Проспер. — Мадам Люсьен де Сержан, графиня Ирма де Сен-Мисак, баронесса Жоржетта Ротт и мадам Шарлотта Ле-Васар. Не дамы полусвета, мой дорогой!..

Нотариус, сборщик податей и кузнец, ничего не могли сказать на это. Действительно, парижанин представлял собой важную персону, этого нельзя было отрицать.

— Но… — сказал неожиданно помощник мэра, закрывая глаза. — А ваша жена?.. Какого она мнения об этом?..

— Луиза? Она хорошо воспитана.

И при этом решительном заявлении, Проспер сдал карты. К семи часам он проиграл одиннадцать су. Ласонж дразнил его:

— Счастлив в любви… несчастлив в игре.

— Послушайте, — сказал нотариус, выколачивая свою трубку. Итак, у него есть Ирма, Жоржетта, Люсьен и Шарлотта, неужели ему нужны еще и наши дамы? Это было бы несправедливо.

* * *

Не прошло и шести месяцев со дня устройства Проспера в Мот-ан-Бри, как его постигло несчастье… Луиза умерла от закупорки сосудов. Когда доктор объявил, что все кончено, Проспер с грустью задумался над своей будущей одинокой жизнью в Мот-ан-Бри. Он не был влюблен в Луизу, но он видел в ней честную и верную подругу, разделявшую с ним и радость, и горе, и смягчавшую неудачу его первых шагов земледельца своим смехом. Она не была совершенством. Она незаметно руководила им, иногда обнаруживая при этом ворчливое и капризное настроение. Несмотря на все это, ее общество было полезно ему, и он понимал хорошо, что терял много с этой внезапной смертью.

Новость облетела всю деревню, и первой мыслью враждебного к парижанке лагеря было: — Наконец-то! Теперь мы узнаем была ли она законной женой Проспера…

Чиновник мэрии и доктор, подписавший разрешение на похороны, первыми узнали, что покойная была мадам Меригаль. Это открытие облетело вмиг всех жителей, и жена нотариуса торжествовала:

— Ага… Ведь я знала, что говорю… И потом, достаточно только было взглянуть на эту женщину, чтобы убедиться в ее двусмысленном положении!

— Скажите, — заметила мадемуазель Фифрелет, — неужели ее похоронят по церковному обряду?

— Вы шутите! После всего того, что она говорила священнику…

Нотариус, присутствовавший при этом разговоре, заметил:

— Неужели вы думаете, что это могло бы помешать ему взять деньги за обедню!

— Я нахожу, что он должен отказаться от участия в похоронах, — протестовала мадам Бигарс. — Не служат обедню по женщине, которая была любовницей человека… хотя бы самого

порядочного на земле.

При слове «любовница», мадемуазель Фифрелет, и мадам Ласонж вздрогнули. Мадемуазель Фифрелет, будучи довольно начитанной особой, представила себе самые гнусные оргии из времен Римской империи, а мадам Ласонж, ничего не читавшая, кроме священного писания, подумала вдруг о мерзостях Содома и Гоморры. Мысль, что «любовница» дышала одним с ними воздухом, приводила их в отчаяние и компрометировала их возмущенную добродетель.

Похороны были назначены на 4-е октября в одиннадцать часов утра. Как и предсказывал нотариус, священник поторопился предложить Просперу отслужить панихиду с двадцатью тремя зажженными свечами и двумя мальчиками из хора в черных облачениях. Проспер из уважения к своим согражданам принял это предложение. Он послал своим старым друзьям в Париж письма, в том числе и управляющему из «Розового Фламинго», хотя и был уверен, что никто не откликнется на его горе.

В день похорон, наиболее почетные жители Мот-ан-Бри, за исключением нескольких непреклонных дам, оставшихся дома под предлогом дипломатических мигреней, разговаривали

вполголоса в саду, перед фермой. Священник в своем облачении из черного альпага направлялся к дому усопшей. Дети из хора, бежавшие за ним, ковыряли на ходу носы, засунув туда свои пальцы чуть ли не до третьего сустава. В то время как в саду шептались и утешали Проспера, начальник станции, не могший присутствовать при церемонии из-за своих служебных обязанностей, был вознагражден неожиданным зрелищем.

С поездом 10:45 прибыли четыре дамы, которые спросили у фонарщика, где находится церковь. Эти четыре элегантные и молодые женщины обратили на себя внимание начальника станции, который следя за погрузкой ящиков с сыром и велосипедов, любовался походкой и живостью этих изящных путешественниц. «Без сомнения, парижанки».

— Церковь? — сказал фонарщик. Пойдите по вокзальной улице и поверните налево. Там вы увидите ее с правой стороны.

Четыре путешественницы, это были Люсьен, Шарлотта, Ирма и Жоржетта, отправились попарно по направлению церкви. Они были слишком хорошо воспитаны, чтобы громко выражать свою радость по поводу поездки в деревню. Это была для них, поистине, первая приятная загородная

прогулка. Довиль, Биарриц, Диен, с случайными любовниками ничего не стоили в сравнении с настоящей крестьянской деревней. Решение было неожиданно принято Шарлоттой, накануне, в одиннадцать часов вечера. Как только бармен получил письмо из деревни он сразу же объявил в кабаре между двумя шерри коблерами [*Напиток, подающийся в американских барах*].

— Между прочим… Жена Проспера приказала долго жить…

— Не может быть? Бедный Проспер! — сказала сочувственно Люсьен. Где же это случилось?

В деревне, куда они перебрались?

— Да… В Мотан Бри. Ее хоронят завтра утром

— Не поехать ли нам на похороны? — сказала вдруг Шарлотта.

— Ты говоришь ерунду — пробормотала Ирма.

— Просперу было бы приятно видеть, что его не забыли. Это далеко от Парижа, это место?

— Нет. Полтора часа.

— Я обязательно поеду туда.

— Ах, эта Шарлотта. От нее можно треснуть, — сказала Жоржетта.

— Мы составим компанию Просперу. Возвращаясь с кладбища мы развеселим его немного. И потом, мне вообще хочется поехать в деревню.

— В конце концов это не так уж глупо. Я тоже поеду с Шарлоттой — объявила Люсьен.

— Ладно, и я, — сказала Ирма. Мы будем пить там сидр. Боб, дай нам справочник.

Они посмотрели расписание поездов.

— Нам нужно будет встать пораньше. Поезд отходит в 9:24.

— С вокзала Монпарнас?

— Глупенькая. Бри находится на востоке.

— Вишь ты. Какая ты тонкая лакомка. Ты знаешь основательно топографию сыров [*Бри — местность, в которой производят знаменитый французский сыр того же названия*].

Пока они шутили, Жоржетта размышляла:

— Как это досадно — сказала она задумчиво. — У меня будет сегодня вечером любовник, который захочет провести также и утро… А это двести монет. Не могу же я упустить его!

— Ну хорошо. Ты можешь принять его и уйти потихоньку в девять часов, пока он будет спать.

— А если он проснется?

— Ты скажешь ему, что отправляешься за булочками к чаю.

И на следующее утро они заняли места в поезде, чувствуя себя как ученицы, отпущенные на каникулы.

Они прибыли в церковь как раз вовремя и заняли скромные места в последнем ряду. Никто их не заметил. Их присутствие обнаружилось только при выходе, когда все присутствующие должны были продефилировать перед Проспером, который торжественно, в черном сюртуке, отвечал каждому на поклон. Он удивился, увидев перед собой большую Шарлотту. Она первая выразила ему свои соболезнования. Он тихо заговорил с остальными тремя и поблагодарил их, искренне тронутый их вниманием.

— Вы будете на кладбище? пробормотал он.

— Конечно, мсье Проспер. Мы вас не покинем.

— Вы очень милы, все четверо. Потом приходите ко мне домой, мы найдем там чем закусить.

— Ну да, мсье Проспер, мы всей душой с вами.

Они вышли на маленькую площадь перед церковью. Весь Мот-ан-Бри был изумлен, увидя Проспера в кругу этих четырех парижанок, подкрашенных, надушенных, в черных шелковых чулках и в темных, но элегантных костюмах. Откуда приехали они? Кто были эти прекрасные незнакомки, попавшие неожиданно в среду допотопных редингот, шляп, порыжевших от времени и украшенных цветами, и поношенных платьев. В процессии, готовой уже отправиться

на кладбище, слышался шепот. Костлявые шеи старух вытягивались, чтобы получше рассмотреть эту четверку, оставлявшую за собой запах амбры и вербены.

Проспер шел впереди процессии, между Тру и Бигарсом, своими лучшими друзьями. Тру, будучи довольно находчивым, наклонился к уху Проспера и сказал просто: — Это дамы, подарившие вам портсигар? Не правда ли?

Проспер кивнул головой.

И Тру прошептал удовлетворенный:

— Я так и думал.

Когда все разошлись по кладбищу, Проспер знаком подозвал к себе четырех женщин и представил их нотариусу и помощнику мэра.

— Мои дорогие друзья, — сказал он, укладывая в карман носовой платок, которым он только-что вытирал свои влажные глаза, — я вас очень прошу пройти ко мне позавтракать с этими дамами… Позавтракать, чем бог послал.

Нотариус и помощник мэра были восхищены; они титуловали смущенных Ирму и Жоржетту госпожа «графиня» и «госпожа баронесса». По дороге они разговорились. Жена Матье приготовила омлет на сале и зайца. С легким вином Вуврей и фруктами завтрак был довольно хорош. Прежде

чем сесть к столу, дамы отправились в комнату Проспера, чтобы привести себя в порядок.

— Скажите, пожалуйста, мсье Проспер, спросила Ирма с карандашом для губ в руках, — ваш нотариус принимает меня за графиню, а Жоржетту за баронессу? Это шутка, конечно, не так ли?

Проспер посвятил их в эту невинную шутку.

— Ах, хорошо! Пусть будет так, воскликнула Ирма… Послушайте, девушки, теперь мы светские женщины. Уж я поостерегусь расстегивать свои подвязки зубами.

А Жоржетта, смеясь как безумная, сидя в кресле добавила:

— Я баронесса Ротт!..

Проспер умерил их неуместное веселое настроение, и прежде чем спуститься вниз, сказал им:

— Однако, вы будете держать себя чинно, неправда-ли, мои маленькие детки? Если бы вы знали, как строго смотрят на это в провинции.

— Будьте спокойны, мсье Проспер, ответила Шарлотта. — Мы понимаем ситуацию. Действительно, за завтраком все держали себя корректно. До зайца гости вели себя так, как и подобает в доме, где только-что был покойник. Шарлотта шепталась с нотариусом. Ирма и Люсьен разговаривали тихо с помощником мэра, и только

злополучное вмешательство Томата изменило все.

Случилось это так. Проспер позвонил старухе Матье, чтобы та принесла фрукты и сыр. Тотчас же, нагруженная тарелками и фруктовыми вазами, она появилась на пороге двери. В эту минуту Томат, проскользнувший незаметно на кухню, схватил заячью шкуру и бросился стрелой мимо старухи, которая потеряв равновесие, растянулась на паркете вместе с сыром, грушами, яблоками и виноградом. Зрелище было слишком комичным, чтобы не вызвать у сидевших за столом взрыв дружного хохота. Нотариус поднял старуху, которая совсем не ушиблась, а дамы, удерживаясь от смеха, собрали разбросанные фрукты в то время, как Проспер, с салфеткой в руке, гнал Томата в прихожую.

Этот инцидент развязал языки. Сдержанность немного торжественная, царствовавшая раньше, улетучилась.

— У вас смешная собака, — воскликнула Шарлотта, хихикая в носовой платок, — она похожа на крысу, политую водой из велосипедного насоса.

— Это Кинг Чарль, не правда ли? — спросила хитро Жоржетта.

— Кинг Чарль? — возразила весело Люсьен.

И, повернувшись к помощнику мэра, она добавила:

— Эта девица, мсье помощник, с того дня, как замарьяжила одного богатого англичанина на вокзале Сен-Лазар, принимает всех дворняжек за Кинг Чарлей!

Проспер бросил на Жоржетту строгий взгляд, но поняв, что невозможно засадить в клетку этих свободных птичек, он со вздохом предоставил всему идти своим чередом. После шестой бутылки Вуврей, помощник мэра посадил к себе на колени Люсьен и Жоржетту, поочередно угощая их молодыми утятами под соусом из слив, в то время как Ирма, склонившись на плечо нотариуса, гадала ему по линиям руки. Шарлотта несколько более серьезная, чем ее подруги, разговаривала с Проспером.

— Старина, у вас поразительный завтрак…

— Ах!..

— Да это гораздо лучше, чем стряпня «Розового Фламинго». Это так здорово! Это пахнет деревней.

— Да, Шарлотта… Это прелести деревенской жизни.

— Вы счастливы здесь, мой старый Проспер?

— Очень счастлив. У меня есть сад. Я занимаюсь также разведением птицы. Мастерю то да се.

— Я думаю, вы не жалеете о ресторане?

— О, нет!

Приятельский разговор между Шарлоттой и Проспером был неожиданно прерван вскриками Жоржетты, которая прижалась довольно близко к помощнику мэра, напевая при этом какую-то шансонетку. Потребовался строгий оклик Шарлотты, чтобы призвать «баронессу» к порядку. Но так как «баронесса» была пьяна и нужно было отнестись к ней снисходительно, то Проспер с грустной улыбкой знаком дал понять Шарлотте, что извиняет поведение Жоржетты.

Завтрак продолжался до четырех часов. Помощник мэра с нотариусом предложили свои услуги проводить дам на вокзал, так как Проспер было бы неудобно одному пройти по деревне со своими гостьями. При прощании они трогательно расцеловались с Проспером и оставили изумленной старухе Матье пять франков на чай. Потом они спустились по главной улице с Тру и Бигарсом, довольные тем, что их видят в таком хорошем обществе. Сев в пятичасовый поезд, они еще раз попрощались с обоими сановниками, в то время как начальник станции, следя за погруз-

кой багажа, наблюдал эту сцену. Поезд тронулся. Обнаженная рука махала бархатной шапочкой через окно. Тру и Бигарс поклонились им еще раз и пошли обратно под испытующим взглядом сбитого с толку начальника станции. Поднявшись по большой улице, они остановились у заставы.

— Проститутки, не правда-ли— сказал нотариус, подмигнув правым глазом.

Но Тру, знавший жизнь больших городов и понимавший душу дочерей Евы ответил:

— Ах, нет, мой дорогой… Это дамы света… Ах, если бы вы знали!..

И он покачал головой с видом знатока.

* * *

Проспер и не догадывался, какой беспорядок внесет в его жизнь смерть его подруги. Напрасно он просил старуху Матье топить по утрам печь, готовить ему кофе и держать дом в порядке… Какая разница с Луизой! Кролики бродили голодные не получая люцерны. Куры прогуливались по деревне в поисках себе пищи. Каждую неделю недосчитывались двух или трех птиц, украденных бродягами или раздавленных автомобилями. Томат, посаженный скупой старухой Матье на хлеб и воду, бегал по дворам и спал, где попало.

Что касается хозяйства, то оно сильно страдало от капризов Проспера. Его прежнее усердие новоиспеченного агронома мало-помалу охладело с наступлением ноябрьских заморозков. У него не было больше желания вставать рано, чтобы морозить себе пальцы на остром ветру суровой зимы. Он боялся сквозняков погреба и луж перед гумном, в которых промачивал себе ноги. Ведь в конце концов у него была небольшая рента, позволявшая ему жить без необходимости обрабатывать и засевать землю. Таким образом, его видели все чаще и чаще в привокзальном кафе. Чтобы спасаться от домашнего одиночества, он проводил все дни у мсье Бигреду.

При жизни Луизы Проспер никогда не выходил по вечерам. Теперь же одиночество заставляло его проводить все послеобеденное время в кафе. Не потому, что там ему было очень весело. Там всегда можно было встретить фонарщика и носильщика, выпивавших что-нибудь в ожидании последнего вечернего поезда и дядю мсье Бигреду, продававшего яфский кофе.

Это был удивительно сохранившийся для своих лет человек, проходивший ежедневно по двадцать пять километров, подталкивая маленькую тележку и наигрывая на своей дудочке веселый

мотив. И когда Проспер возвращался домой в десять часов вечера, с поднятым воротником, шлепая по грязи и спеша, чтобы поскорее отогреть у камина свое обветренное лицо, он проверял свою совесть и задавал себе вопрос — создан ли он для деревенской жизни? Был ли он искренним, говоря Шарлотте, что любит деревню? Если бы он действительно ее любил, думал ли бы он все больше и больше о «Розовом Фламинго» с его джаз-бандами и танго? Потому что по вечерам, лежа в своей постели, он, засыпая, не думал уже больше о колоссальных урожаях своего заброшенного огорода. Он мечтал о Монмартре; он снова видел силуэты, с которыми соприкасался в течение тридцати лет. Он уже больше не замечал запаха простынь, вымытых старухой Матье. Ему слышался бесцеремонный смех куртизанок в баре. Он ворочался тогда под своим пуховым одеялом и думал прежде чем заснуть:

— В конце концов, кутилы правы…

И по мере того, как проходила зима, тоска по родине у Проспера все увеличивалась, и жители Мот-ан-Бри, пораженные его грустью, вялой походкой и удрученным видом, приписывали все это печали безутешного вдовца и ставили в пример его удивительную супружескую верность.

Как лишний кусочек железа может испортить всю машину, так и незначительный сам по себе случай изменил всю судьбу мсье Проспера. Он давно уже не читал парижских газет, довольствуясь местной газеткой. Однажды по ошибке почтальон вручил ему великосветский журнал, предназначавшийся для владельца соседнего замка. Проспер просматривал его и остановился на одном объявлении. Новый владелец «Розового Фламинго» извещал «весь Париж», что ресторан, дансинг и бар заново отделаны и что сливки космополитического общества, каждый вечер восторженно принимают Беппа и Гледис, знаменитых американских танцоров, прославившихся у Шерри в Нью-Йорке. Итак, Пармелан тоже оставил «Розовый Фламинго» …

Весь день Проспер ходил под впечатлением этого извещения и, решив сохранить его, вырезал это объявление. Вечером он пошел в кафе, где дружески был встречен помощником мэра.

— Мой добрый друг, — сказал ему помощник мэра, — ко всему нужно относиться разумно… Уже шесть месяцев прошло со дня смерти вашей дорогой жены. Вот уж весна приближается, вам нужно снова обрести вкус к жизни…

Проспер задумался над его советом. Весь вечер

он много думал об этом, уткнувшись носом в свой прибор. Одна мысль пришла ему в голову. Он высчитал что со смерти Луизы сэкономил со своих доходов тысячефранковый билет. Таким образом, он свободно может взять из этих денег половину, чтобы совершить прогулку на Монмартр. Но на этот раз он позволит себе роскошь войти в «Розовый Фламинго» через главный вход вместо того, чтобы проникать туда через черную дверь; он выпьет сам бутылочку Экстра Драй вместо того, чтобы подавать ее другим. Он будет зрителем вместо слуги.

Он никому не говорил о своем плане. Он ждал только благоприятного дня. Это случилось в середине мая. Ранняя весна смягчала температуру; солнце способствовало росту листьев. В шесть часов он ушел к себе в комнату и вынул фрачную пару. Надев ее с лихорадочной поспешностью, Проспер положил в бумажник пятьсот франков, запер дверь на ключ, поднял воротник и поспешил к вокзалу.

У него был вид уголовного преступника, задумавшего грабеж. Он избежал встречи с Ласонжем, но встретился носом к носу с Мандибелем, посмотревшим на него с любопытством:

— Что, мсье Проспер?.. Вы отправляетесь путе-

шествовать?

— Нет. Только в Париж и то только до завтрашнего дня.

Старый Мандибель, у которого был зоркий глаз сыщика, добавил:

— Однако, вы разоделись… Вы похожи на сорочий хвост.

— Я еду на свадебный обед к моему кузену… Ничего не поделаешь!

С десяти часов вечера Проспер бродил по площади Пигаль. Он вдыхал воздух Монмартра и испытывал необыкновенную радость при виде всего. Ах, как приятно видеть вновь эти знакомые места, в особенности в качестве простого наблюдателя. У него были деньги. Луизы не было больше, чтобы сдерживать его, наставлять его и мешать его удовольствиям. В «Розовом Фламинго» его сейчас встретят как солидного гостя. Он будет на равных правах с теми, которые раньше давали ему на чай. Жизнь все же хороша! Он был не прав, зарывая себя так долго в своей дыре.

С важным видом, он вошел в бар и надеялся быть принятым, как Наполеон, вернувшийся с острова Эльбы. Но весь прежний персонал ресторана куда-то исчез. Не только персонал, но даже постоянные посетители рассеялись. Он сел

за стол. Лакей, и не подозревавший, что имел дело с знаменитым коллегой, подал ему вежливо английскую закуску и бутылку портера.

Там слева, в зале ресторана, где он господствовал раньше, царствовал теперь другой метрдотель. Проспер посмотрел на него с видом знатока. Его приемник был высокий, худощавый, с сухими жестами и разочарованным видом, молодой человек. Он развязно обращался с клиентами и, казалось, думал о чем-то другом.

— Какой упадок! — подумал Проспер… Вот они, новые люди! Ест ли клиент картофельный салат или индейку, фаршированную трюфелями, им на это наплевать. Ах, ах!..

Вечер, от которого он ожидал столько хорошего начался неудачно. Вдруг лицо его осветилось улыбкой. В бар вошла Шарлотта.

— Мсье Проспер! — сказала она удивленно.

— Да, Шарлотта… Это я… Садись здесь.

Она села возле него. На ней было зеленое крепдешиновое платье и черная шляпа. Несмотря на некоторую худобу, она была очень соблазнительна, матовой кожей лица и темными, бархатными глазами.

— Без шуток, — сказала она. — Ты снова хочешь здесь обосноваться!

— У меня было это сумасшедшее желание.

— Ты не в положении — ли?

— Нет. Я безумно тосковал в Мот-ан-Бри. Мне необходимо было снова поехать увидеть ресторан.

— Здесь все изменилось после тебя. Пармелан ушел. Боб и большая часть персонала перешли в «Бар Троглодитов», это очень хороший ресторан. Ты должен побывать там. Ты там найдешь всех своих знакомых. Позови официанта и уйдем отсюда. Просперу подали счет. — Что? — сказала раздраженно Шарлотта… Ты не станешь платить сорок пять франков за пару кусочков колбасы и бутылку портера… Пригласи своего коллегу.

Метрдотель, с разочарованным лицом, слабо пожав руку Проспера, объявил, что новая дирекция очень строга и закончил тем, что скинул со счета пять франков. Проспер заплатил. Шарлотта громко заявила, что не ступит больше ногой в эту дыру и они поехали в «Бар Троглодитов».

Счастливый сюрприз ожидал там Проспера. Ирма, Люсьен, Жоржетта, бармен Боб, уборщица и посыльный устроили ему торжественную встречу и окружили его, как блудного сына.

— Поверите ли, он терял время в «Розовом Фламинго», как старая гребенка под комодом! —

воскликнула Шарлотта. Если бы не я, вы не увидели бы его опять.

Проспер сиял от счастья. Здесь, по крайней мере, его чествовали одновременно и как прежнего метрдотеля и как рантье. Ему начинало даже казаться, что он богатый рантье; эти дамы осаждали его стол и, смеясь, вызывали воспоминания из «Розового Фламинго». Ужинающие американцы в глубине зала, соседи, пьющие шампанское, смотрели на этого старого кутилу, окруженного столькими женщинами и старались угадать его имя.

Жоржетта, как всегда пьяная, обняла его за шею и сказала:

— Поверишь ли, твой друг Тру пишет мне каждую неделю со дня того знаменитого завтрака. Письма влюбленного гимназиста, мой дорогой!

— Вот скрытный человек! Там он об этом не говорит!

До двух часов ночи Проспер веселился во всю. Ах! Как было приятно дышать этим воздухом, слушать банджо [*Негритянский инструмент, вроде гитары*], сильные тремоло которого хватают за душу, как цепкая рука, и нежно ласкать спину Шарлотты, сидевшей совсем близко от него. Ее подруги исчезали одна за другой. Ирма

уехала со своим боксером, Жоржетта, пьяная в стельку, была увезена молодым человеком, управлявшим маленьким автомобилем с видом юноши, который заводит граммофон. Люсьен старалась увезти из бара двух американцев, обещая показать им седьмое небо.

Эти женщины, равнодушно идущие навстречу любви, эти мужчины, ищущие в ней только удовлетворения своих похотей, внушали Просперу зависть. Его вынужденная непорочность давила его мозг с страшным жаром. Вдруг, в момент, когда Шарлотта меньше всего этого ожидала, он сжал своими сильными пальцами ее обнаженную руку и пробормотал несколько изменившимся голосом:

— Скажи, пожалуйста… Это же право смешно, что мы со дня нашего знакомства ни разу не были близки…

Это рассмешило Шарлотту. Она посмотрела на него неопределенным взглядом. В конце концов, этот шестидесятилетний старик был еще крепок и более привлекателен, чем большинство молодых кутил. Если он хотел ее, как можно было отказать в этом ему, который столько раз помогал ей в трудную минуту?

— Ты хочешь наверстать потерянное время, —

сказала она, склонившись над соломинкой, через которую тянула прохладительный напиток.

— Грешить никогда не поздно!..

— Ну хорошо, я увезу тебя.

Через десять минут они, идя под руку, пересекли площадь Вентимильи и вошли в квартиру Шарлотты. При входе в комнату, по телу Проспера пробежала дрожь счастливого ожидания.

Проспер отдыхал теперь на измятой постели. Его прошлое прорвало плотину сдержанности. Он упрекал себя в своей глупости. Неужели он был настолько глуп, чтобы отказывать себе в таких удовольствиях! Пропускать такие хорошие часы! В одиннадцать часов утра, в то время как Шарлотта распекала на кухне свою кухарку. Проспер, уже одетый, размышлял над тем, удобно ли заплатить Шарлотте за эту ночь любви. Не рассердится ли она при виде денег, которые он ей предложит? Высшее блаженство, которое она, по-видимому, чувствовала в его объятиях, заставляло его думать, что она обидится за это. Вдруг ему пришла в голову превосходная мысль. Когда она вернется, он сделает вид, что хочет взять из кармана свой кошелек. Если она тотчас же воскликнет с упреком: «Проспер!», он ответит ей, что ему нужен носовой платок; если же она

найдет это вполне естественным, то он даст ей пять луидоров [*Сто франков*].

Шарлотта вернулась. Проспер медленно вложил руку в карман и следил за ней глазами. Она посмотрела на него, ничего не сказав. Удивленная его неподвижностью, она просто сказала:

— Что с тобой? Ревматизм в плече?

— Нет, моя маленькая Шарлотта. Я хотел предложить тебе что-нибудь в память о нашей первой любви.

— Деньги! Ты шутишь, дорогой мой. Я не хочу, чтобы между нами стояли деньги. Он прижал ее к груди.

— Все-таки, Шарлотта, мне так хочется подарить тебе какую-нибудь безделушку, которая напомнила бы тебе о нашей безумной ночи.

— Ну, если тебе так хочется, — мы поедем вместе, и ты купишь мне безделушку, которую мне хочется иметь.

Через полчаса она привезла его к меховщику на улице Лоретской божьей матери и показывала ему песца, о котором она так мечтала.

— Четыреста пятьдесят франков! — Проспер был немного смущен.

— Не пугайся цены. Я умею торговаться. Он скинет мне пять луидоров.

Меховщик уступил им песца за четыреста двадцать пять франков. Довольная, Шарлотта села в такси и набросила чистый мех на плечи Проспера. У своего дома она попрощалась с ним, так как назначила у себя свидание одному испанцу, который должен был повезти ее на бега. Целуя Проспера накрашенными губками она прошептала:

— Ты просто прелесть. Приходи ко мне снова.

— Для тебя я рассталась бы с самим Рокфеллером.

В ту минуту Проспер забыл, что у него осталось только семь франков и билет на обратную дорогу. С отяжелевшими веками, раскинувшись в такси, он поехал на Западный вокзал.

IV

Проводник, показывающий очарованным туристам наиболее красивые места, привыкнув к ним с течением времени, смотрит на них безразличным взглядом. Артист, который проводит всю свою жизнь за кулисами, не может понять, что влечет к ним наивного юношу. Метрдотель, с бесстрастным лицом присутствующий каждый вечер при развлечениях ночных посетителей под люстрами кабаре, не испытывает от них никакого удовольствия и старается поскорее уйти от них.

Пока Проспер, по своим служебным обязанностям, должен был проводить все вечера в ресторане, пока он там служил, Луизе не трудно было удерживать его от соблазнов. Он мог бы проводить время с продажными женщинами, кутить, покрывать расходы ростовщичеством, барышничать драгоценностями. Но он воздерживался от всего этого, потому что он любил свою профессию. Он соприкасался со всей этой мерзостью честно, сам оставаясь незапятнанным. Но с незабвенной ночи, проведенной им с Шарлоттой, с тех пор как Луиза не могла ему больше давать

советы, а жизнь Мот-ан-Бри наскучила ему, он беспрестанно думал о потерянном рае. Меланхолически возделывая аллеи своего сада, он часто повторял:

— Как я был глуп, что не пользовался этим раньше!

И, мысленно он сравнивал радости, от которых он отказывался, с его теперешней скучной и монотонной жизнью. Ему начинала надоедать эта постоянная игра в карты в привокзальном кафе и старые анекдоты Ласонжа и Тру. Он пожимал плечами при виде жалкой редиски и крошечной моркови — результатов его научной и рациональной обработки земли. Даже проделки Томата не забавляли его больше, а болтовня старухи Матье, которая, подавая ему кофе, казалось, пережевывала своими беззубыми челюстями деревенские новости, действовала ему на нервы. Весь день он находился во власти воспоминаний о Шарлотте с ее соблазнительным нижним бельем и бархатистой кожей. В течение четырех недель он сдерживал себя; он боролся против желания, бродившего ночью по его комнате, по аллеям сада, появлявшегося потом вдруг у его ног около кровати, готового заиграть под сурдинку сонату о смятом белье и таинственных поцелуях, о

влюбленных вздохах и нежных нашептываниях, о трелях счастливого сладострастия и пиччикато нетерпеливых нервов. Раздражая, желание не успевало и исчезнуть, как появлялось снова. Его невидимая рука проходила по телу спящего, вызывала фантастические мечты, быстро сменяющиеся видения бурных объятий, манящий хаос надушенного белья.

В одно июньское утро, прекрасное, как дыхание юной девы, он признал себя побежденным, взял свой чемодан и уехал в Париж.

— Я вернусь послезавтра, — сказал он старухе Матье, которая вытирала посуду, жуя кусок протухшего сала, ее любимого лакомства. — Не забудьте дать травы кроликам и аккуратно поливайте капусту.

В продолжение всего путешествия он предвкушал встречу с Шарлоттой и, следя из своего угла за остальными пассажирами, думал:

— Эти вот идиоты и не подозревают, что я знаком в Париже с одной красавицей, которая меня любит…

Он направился на улицу Виктор Масса и заехал в маленький отель «Мондьяль-Палас», где к своему удивлению встретил мсье Жакобеза, бывшего эконома из «Розового Фламинго», ставшего

теперь хозяином этого отеля. Коллега принял его очень радушно и угостил в своей конторе белым вином. Проспер рассказал ему о своем житье бытье.

— Вы же понимаете, мой дорогой, я состарился там, я провел там тридцать лет, имею же я теперь право развеяться немного. С моими сбережениями я могу оплатить свои скромные развлечения. Теперь мой черед.

— Вы вполне правы. Верная поступь, хорошее зрение, стройные ноги и полный карман! Вас судьба не обидела…

— Тем более, что меня закружила Шарлотта… Помните вы Шарлотту?

— Ту, которая делала петушков из банковских билетов, когда бывала навеселе?

— Да. Я ей нравлюсь. Она доказала мне это недавно ночью. Сегодня вечером я собираюсь встретить ее в «Баре Троглодитов» и тогда нас ждет любовь!

Проспер поехал в «Бар Троглодитов» но, к своему удивлению, до полночи не дождался Шарлотты. Встретили его с распростертыми объятиями. Ему начинал нравиться этот маленький, тихий бар, где джаз-банд был заменен мечтательным банджо, с аккомпанементом мандолины.

Какая-то маленькая женщина, которой он не знал, присела вдруг возле него и обратилась к нему конфиденциальным тоном:

— Я знаю, кто вы, мсье… Вы бывший метрдотель «Розового Фламинго»… Я много слышала о вас. Один из моих старых друзей, Том Берд, торговец жемчугом часто хвалил мне вас.

Проспер, польщенный и довольный, ответил:

— Том Берд! Ах, да. Ну, как он поживает?

— Он в тюрьме… По делу об ожерелье одной американки… Том Берд очаровательный бандит… Кстати, вы ищите Шарлотту? Она не придет сегодня вечером. Она уехала в Барбизон, со своей новой пассией… Это художник, который пишет фруктовыми соками на оберточной бумаге. Он выставлял свои работы на выставке «независимых». Но его картин невозможно разглядеть, потому что они всегда черны от мух.

Слабый голосок и печальное личико этой маленькой рыжеватой женщины забавляли Проспера. Он спросил ее имя:

— Минутт, — ответила она, пуская на воздух бумажную оболочку от соломинки. — Мне девятнадцать лет, у меня целы все зубы, кроме того у меня два прирученных дрозда, родимое пятнышко под левой рукой и ангорская кошка, по имени

Урсула, которая царапает моих любовников, когда их физиономии ей не понравятся.

В час ночи Проспер привез Минутт в «Мондьяль Палас». Его друг Жакобез был еще в конторе. Он отвел его в сторону и тихо спросил:

— Ничего, если я приведу в свою комнату одну маленькую курочку?

— Конечно, ничего… конечно, ничего… Приводите себе хоть двух, хоть трех. Молодость должна перебеситься. Единственно, о чем я прошу вас, это не петь среди ночи марсельезу и не делать дыр в стене… Каждый месяц у меня уходит на пятнадцать франков замазки, чтобы заделывать их. В противном случае мой отель превратился бы в решето. Минутт была прямой противоположностью Шарлотты. С волосами, в беспорядке рассыпавшимися на голове, как горсть медных опилок, с вздернутым носиком и зелеными глазами, она была уморительна в своей пьяной болтовне.

Проспер узнал с ней наслаждения, о которых раньше не имел представления. Когда он пришел в себя он стал расспрашивать о ее жизни.

— Я, мой дорогой, сказала она, перетряхивая свои юные воспоминания, — имею совершенно ясное представление о жизни. Я думаю вертеться

так лет до тридцати, пока не наткнусь на какой-нибудь удачный случай. И когда у меня будут денежки я куплю хорошую кондитерскую в Бордо или Марселе и выйду замуж за первоклассного кондитера, который будет готовить глазированные каштаны… У меня есть способности к коммерции… Меня все принимают за маленькую креветку, которая думает только о том, как бы дрыгать ногами во все стороны… Воображаю себе, как они вылупят глаза… Поди ка, найди другую девчонку в моем возрасте, которая могла бы сказать тебе наизусть курсы де Beers и Royal Lentch [*Акции нефтяных компаний*].

— Браво, Минутт… Ты вполне созрела, чтобы получать доходы от акций нефтяных компаний!

— Вот именно! Гораздо приятнее иметь доходы от акций, чем от покрытых прыщами старичков… Но теперь, когда мы познакомились, я хочу сказать тебе, что мне пришло в голову. Все мои товарки имеют друзей, которые обирают их до нитки… Но я не люблю этих молодых людей, которые отбирают весь твой заработок и в доплату еще бьют тебя по физиономии. Работать целые ночи, чтобы покупать им шелковые сорочки, это для меня не дело. Итак, я думаю, что лучше будет сойтись с человеком постарше, с каким-нибудь

дельцом, который будет вести мою отчетность и давать мне советы относительно размещения моих маленьких сбережений. Не захотел ли бы ты, у которого есть чутье к делам и знание площади Пигаль, быть моим руководителем и советником?

Это предложение хотя и удивило Проспера, но понравилось ему. Минутт казалось ему очень привлекательной, и единственным его желанием было встретиться с ней опять и продолжать эту начатую связь.

— Я не ожидал этого, — сказал он, смеясь. — Ты сама понимаешь, что такая должность не совсем подходит для человека серьезного и высокопоставленного.

— Вовсе нет! Какой-нибудь мальчишка негодяй не подходит для этого, но человек солидный и способный будет как раз на месте.

Она лениво легла возле него и прибавила:

— Ты увидишь, мой дорогой, это будет очень забавно. Я покажу тебе мою книгу доходов и расходов. Иногда я путаю страницы актива и пассива… И вот ты будешь это исправлять. А потом я покажу тебе мой портфель: пять бон Национальной Обороны… Двенадцать 6 % облигаций Общества Алжирских Трамваев… Это

один продавец маслин из Туниса посоветовал мне… Порядочный пройдоха!.. Они упали в цене на тридцать франков… И потом четыре акции компании «Пифивьерских агломератов» … Превосходное дело. Они производят брикеты из испорченных паштетов из жаворонков… По ним же выдают 9 % дивиденда, а я купила их ниже паритета… К концу месяца виконт должен мне дать две тысячи франков, тогда ты мне скажешь, что нужно будет купить… Я читала, что компания «Угольных копей на Зеленом мысе» предполагает сделать новый выпуск… Да не горячись же, мой миленький!.. Не бери примера с угольных копей Зеленого мыса…

— Кто такой этот виконт, Минутт?

— Это один тип по имени Дюпон. У него оружейный магазин на улице Лафайета; он очень богат.

— Почему же ты зовешь его виконтом?

— Это моя кухарка называет его так, потому что на его почтовой бумаге нарисовано оружие, и она принимает это за герб… Не думаешь ли ты, что угольные копии на Зеленом мысе действительно…

Они долго разговаривали в эту теплую ночь. Стены этой комнаты, слышавшие до сих пор всякие непристойные разговоры, отражали теперь

беседу двух биржевых зайцев под колоннадой биржи. В промежутках между оценками бумаг Проспер ласкал Минутт, а Минутт, сидя на краю кровати, как сторукая индусская богиня на мраморной колонне, говорила о колебаниях курсов, похлопывая себя по упругим и белым бедрам. На рассвете они еще раз подсчитали дивиденды и ласки, перемежая деловую беседу гривуазными шуточками.

— Итак, это решено, — сказала она, одеваясь около полудня. — Я рассчитываю на тебя. И, если ты будешь беречь меня от промахов, я буду очень добра к тебе, ты увидишь. Когда она уехала, Проспер задумался. Случайное приключение начинало становиться занятным. Роль, предложенная ему Минутт, не лишена была и неожиданности, и привлекательности. Он встал с улыбкой на губах, чувствуя себя вполне удовлетворенным. Жизнь так прекрасна и солнце светит так ярко. Направляясь к мсье Жакобеву, он встретил в коридоре молодую женщину в пеньюаре; она несла бутылку молока и горько плакала. Он спросил у нее о причине ее слез. Молодая женщина подняла на него наивные глаза романтической девы и, глотая слезы, рассказала, как ее обманул один мужчина, не заплатив ей.

Проспер, который не был в настроении видеть женские слезы, благородно заявил своей соседке, что он уплатит за нее в конторе. Она тотчас же забыла о своей обиде, вытерла слезы, повела Проспера к себе и быстро оделась, чтобы пойти с ним завтракать. Пессимизм Марты окончательно растаял за завтраком. Она нежно проявляла свою признательность и примирилась с человечеством в лице этого ненасытного рантье, расшалившегося, как вырвавшийся на волю гимназист. В семь часов, когда они шептались в сумерках этого прекрасного июньского дня, кто-то постучал в дверь.

Марта выразила досаду. У нее был один молодой друг, который приходил к ней от времени до времени и относился к ней с большим уважением, так как он принимал ее за серьезную и трудолюбивую машинистку. Ей было бы неприятно, если бы этот юный идеалист увидал в ее кровати пожилого человека. Она спросила:

— Это вы, мсье Серж?

— Нет, моя маленькая дурочка! — ответил тягучий голос за дверью. Это я, Розовая Сосиска.

— А! Отлично! Входи.

Успокоенная, Марта открыла дверь и представила свою подругу.

— Мсье Проспер… Мадемуазель Розовая Сосиска.

Мадемуазель Розовая сосиска была пикардийка, пухлая, как пышка. Ее прозвали Розовой Сосиской за ее полноту, которая многим, однако, нравилась. Она также слышала о репутации Проспера и, полагая, что наилучший способ выказывать почтение талантам — это раздеваться перед ними, сняла свое платье.

— Я польщена знакомством с вами, мсье Проспер, — сказала она с изысканной вежливостью. Мне часто хвалили ваши познания в области тонкого стола. И так как я люблю все выдающееся, то я еще больше уважаю вас за это.

Проспер, не желая оставаться перед ней в долгу ответил:

— Мадемуазель, ритуал стола способствует сближению людей не меньше, чем крест или полумесяц.

Но Розовая Сосиска, не думающая ни о Христе, ни о Магомете, воскликнула убежденно:

— Безусловно, хорошая горячая подковка [*По-французски слово „Croissant» значит и полумесяц и подкова — булочка, имеющая форму полумесяца*] с маслом вкусна при всяких обстоятельствах.

В полумраке комнаты они совершенно за-

были о времени. Пробило восемь часов. Кто-то постучал в дверь. Марта, немного утомленным голосом, спросила:

— Кто там?

— Это я, Серж…

Марта, быстро вскочив, надела пеньюар и шляпу, потом прошептала:

— Я уступила вам свою комнату… Не выдавайте, слышите?

Она открыла дверь и ввела Сержа.

Это был высокий молодой человек, немного сутуловатый, с длинным носом, украшенным пенсне на черной ленте, с прыщеватыми щеками и лбом. Он был студентом философского факультета и, хотя отрицал это, никогда не отдавал своего девственного тела продажным ласкам доступных женщин. Однажды, он робко подошел к Марте, с букетом фиалок в руке, введенный в заблуждение ее лицом Мадонны. Изредка он угощал ее обедом, но никогда не думал о том, чтобы свести ее с пути добродетели и не позволял себе вести с ней непристойные разговоры.

— Мсье Серж Альбинуа, — представила его Марта Просперу и Розовой Сосиске, пыхтевшим под простынями…

Студент философии вежливо поклонился. Хотя

изучение Эмпедокла [*Философ, живший в 5-м веке до Р. Хр.*] и должно было бы вооружить его благодетельным скептицизмом, однако, он был очень удивлен, что такая благонравная девушка, как Марта, присутствует в своей собственной комнате при такой сцене. Но его удивление прошло, когда Марта объяснила ему положение вещей. Когда лед был сломан, Проспер предложил вчетвером пообедать. Серж принял это предложение и отвернулся к стенке, пока Розовая Сосиска одевалась. Они вышли и прошли мимо мсье Жакобеза, который удивленно свистнул при виде Проспера под руку с Розовой Сосиской.

— Где две, там и три, мой дорогой! — сказал он. — Если вы будете так продолжать, я дам вам грифельную доску, чтобы записывать их имена.

Проспер напоминал своим непринужденным видом гусара в хорошем настроении, и, сдвинув шляпу набекрень, он вышел со своими друзьями. Их обед был сплошным взрывом хохота. Никогда еще Проспер так не веселился.

— Налижемся сегодня в стельку, — прошептала ему на ухо Розовая Сосиска.

Проспер одобрил ее мысль и заказал еще две бутылки Асти Спуманте [*Итальянское шампанское*].

Юный философ, утолявший до сих пор свою жажду только силлогизмами с добавлением большого количества чистой воды, мало-помалу всё больше пьянел. Наклонившись к Марте, с пенсне съехавшим на бок, с бокалом в руке, он в свою очередь пошутил:

— Посмотрите, милочка, Асти течет, как речь Мсье Бергсона [*Современный ученый-философ*], и искрится в моем подсознании, как парегорический императив [*В опьянении студент искажает философский термин «категорический императив», употребляя слово «парегорический», т. е. болеутоляющий. Дальнейшая его речь носит такой-же характер*]… Я снова становлюсь пещерным человеком платоновских времен и стремлюсь к Абсолюту с сеткой практического разума в руке… Я мыслю, следовательно, я петух… Ку-ка-реку!..

Розовая Сосиска толкнула коленом Проспера и сказала:

— Он готов. Нужно будет взять его в работу в комнате Марты.

В одиннадцать часов вечера новопосвященный кандидат ручкой от зонтика искал свои пенсне в ведерке от льда, в то время как Марта и Розовая Сосиска хохотали до слез на груди Проспера. Они

вернулись в Мондьяль Палас. По дороге Серж, опираясь на руку Проспера, говорил в неприличных выражениях об элеатах и утверждал, что оплодотворил черепаху Зенона, чтобы саботировать его учение. Он совсем не удивился, очутившись со своими друзьями в комнате Марты и слабо протестовал, когда Розовая Сосиска стала развязывать ему галстук.

— Имеют очки и не видят, — бормотал он, борясь с ней.

Это была ночь, которую Ласонж назвал бы ночью оргий, а мадемуазель Фифрелет сочла бы равной луперкалиям [*Луперкалии — празднества в честь римского бога Луперка, отожествляемого с Паном*] времен упадка Римской империи.

Неожиданное посвящение Сержа в новую жизнь приводило в конвульсивный смех Розовую Сосиску и Проспера; молодой философ ржал, как вырвавшийся на волю жеребенок, и отзывался о Гегеле и Огюсте Конте соответственно своему веселому настроению. Никогда еще так не шумели на третьем этаже Мондьяль Палас… Мсье Жакобез, спавший со своей женой в комнате над ними, проснулся среди ночи и сказал своей удивленной супруге:

— Это Проспер так шумит там… Кто бы пове-

рил… Каким скромным он был, когда работал в «Розовом Фламинго»!

На следующий день около полудня Проспер вернулся в свою комнату и вдруг вспомнил, что у него есть дом в Мот-ан-Бри с собакой, курами и овощами. Он не чувствовал никакого желания снова увидеть старуху Матье и услышать ее постоянное скрежетание челюстями, напоминающее щелканье щипцов для орехов. Он чувствовал себя немного усталым, но счастливым. Этот Мондьяль-Палас, по которому по утрам носился смешанный запах кофе с молоком, одеколона и табачного дыма, по которому днем сновали маленькие женщины в своих туалетах и который давал приют в каждой из своих ячеек нежным парочкам, этот Мондьяль Палас привлекал его, как цветущий оазис после долгого пребывания в пустыне. Как можно соскучиться в такой обстановке где каждый вечер в пахнущих духами коридорах шептались жильцы в одних рубашках, где старый лакей, нагруженный бутербродами и кружками пива, шлепал своими истрепанными башмаками вдоль дверей, где соседка, одеваясь, напевала арию из оперы «Чио-чио-сан» или, раздеваясь, модулировала вокализы предстоящего удовольствия. Проспер должен был уехать в тот

же день, но отложил свой отъезд до следующего дня. Минутт зашла за ним и ему пришлось отправиться с ней в банк, чтобы помочь ей снять сейф. На следующий день, в девять часов утра, его разбудила Марта. Молодая женщина с наивными глазами романтической девы рассказала ему о своих неприятностях:

— Ах! Это была блестящая идея со стороны Розовой Сосиски тогда вечером раздеть Сержа! С того момента, как этот болван познал счастье, он все пристает ко мне… Сейчас он в моей комнате… Воспользовавшись моим отсутствием, когда я спустилась за молоком, он забрался ко мне в кровать и плачет теперь там, как покинутое дитя… Веселенькая история!

Чтобы немного отвлечь свою соседку от неприятностей с философом, Проспер отложил свой отъезд и условился провести вечер с ней и Розовой Сосиской в ресторане Троглодитов. Когда он проходил мимо мсье Жакобеза, бывший эконом заметил своей жене:

— Ты видишь этого развратника… Его, вероятно, кормилица подменила… Я знал его в «Розовом Фламинго», он не обращал никакого внимания на подмигивание певичек и мог служить образцом порядочности. Его сожительница держала

его крепко в руках. С тех пор, как он переехал в окрестности Парижа он только и думает о баловстве… Что значит начинать на старости лет?

После недельного отсутствия. Проспер вынужден был вернуться в Мот-ан-Бри, потому что у него больше не было денег. Ему пришлось затронуть доходы со второго полугодия. Он взял в банке авансом три тысячи франков и, под предлогом семейных дел, покинул снова свой дом, чтобы вернуться в Мондьяль Палас. На следующий день по его возвращении в отель, коридорный Эмиль, шлепая своими потрепанными башмаками по ковру и собирая при помощи булавки от шляпы окурки, валявшиеся по углам, постучался к нему в дверь и сказал:

— Мсье Проспер, вас спрашивает молодой человек.

— Кто такой?

— Любовник мадемуазель Марты… Вы его знаете молодой человек в пенсне, у которого физиономия немножко подгуляла.

— Пусть войдет.

Серж вошел в комнату и сердечно пожал руку Просперу. Расстегнув свой жакет, он сел у изголовья кровати рантье и сказал:

— Ах, мсье… Я так рад, что вы вернулись… Мне

было скучно без вас… Так скучно… С тех пор как мы проводили вместе эти дивные часы с Мартой и Розовой Сосиской, мне постоянно хочется снова пережить это. К несчастью, Марта дуется на меня, а я не решаюсь рискнуть остаться совсем один с другими женщинами. Вы знаете их хорошо, посоветуйте мне, как старший брат…

Привязанность Сержа была трогательной. Проспер узнал от философа, что тот нашел свой путь в Дамаск [*Апостол Павел, ранее жестокий гонитель христиан, имел видение на пути в Дамаск, после которого обратился в ревностного проповедника христианства*] в постели Марты. С тех пор как ему дали изведать сатанинские радости, он стал пренебрегать Кантом для Эпикура и облачать в розовые ткани ледяное тело относительности.

— Вы понимаете, — объяснял он, вытирая стекла своего пенсне, — мой взгляд на небытие постепенно видоизменяется в ожидании какой-нибудь случайности. Пока я был девственным, я мог питаться монадами и тянуть через соломинку коктейль прагматизма… Теперь, когда мое «я» отозвалось на зов наслаждений, я сгораю, мсье Проспер… Я сгораю от нетерпения и хочу других головокружений… Не знаете ли вы какой-нибудь

маленькой «блондиночки», с которой я мог бы прочитать Декамерон?

В тот же вечер философ и рантье сидели у Рауля и ели луковую похлебку, обмениваясь первыми признаниями относительно их общей судьбы.

Кутежи нас сближают и соединяют, — сказал Проспер, рисуя ложкой арабески на пустой тарелке. Для меня это эпилог, а для вас пролог… Это смешно, не правда ли. Это доказывает, что животное, живущее в нас, может спать до шестидесяти лет, а иногда дает о себе знать и в двадцать два года… Посмотрите на эту девчонку с тем стариком, вот там, слева. Это сестра одной известной проститутки, приходившей к нам в «Розовый Фламинго» ужинать с помощником государственного секретаря. Она продавала сирень нашим посетительницам до того дня, когда ее старшая сестра сердито крикнула ей через весь бар:

— Ах, ты, дрянь такая! И тебе не стыдно бесчестить нашу семью, суя под нос моим любовникам дерьмо. Потрудись убраться отсюда, да поживее!

Серж упивался словами своего ментора. У него не было, конечно, ни спортивной ловкости Телемака, ни белой полотняной туники на его гармонических бедрах. Рубашка Сержа, пожелтевшая от времени, не была соткана грациозными де-

вушками Пелопоннеса, а его нос прилежного студента не имел ничего общего с канонами аттической красоты. Но, своим сильным желанием воспользоваться уроками умудренного опытом старца, он напоминал героя Фенелона [*Фенелон, знаменитый писатель XVII века, описал в романе «Телемак» воспитание сына Одиссея, Телемака, старцем Ментором*].

— Невинность, — сказал он Просперу, — это бремя на плечах мужчины. Я даже не могу дать себе отчета, как хорошо и легко без этой тяжести, которою Марта сняла с меня своими руками… Я говорю в переносном смысле и прошу вас не обижаться на меня за эту речь.

— Нисколько, мсье Серж. Передайте мне горчицу, пожалуйста.

— Вот… Вы, может быть, найдете меня циничным, но я могу вас уверить, что иногда мне кажется будто я родился под знаком звезды Венеры… Если бы меня знал Ницше, то он отнес бы меня к категории дионисийцев…

— А скажите, есть ли у вас деньги, чтобы кутить…?

— У меня достаточно денег, чтобы оплатить, если это необходимо, продажную любовь. Мой дядя Казимир, живущий теперь в Пуату, посылает мне

ежемесячно две тысячи франков.

Появилась Минутт и прервала их беседу. Нежно обняв своего финансового советника, она села за их столик. Когда Серж вышел заплатить за ее автомобиль, Минутт спросила:

— Это твой незаконный сын, этот недоносок?

— Нет. Минутт. Это дионисиец.

— Что это означает… Опять какая-нибудь противоестественная штука?.. Это меня не удивляет. У него как-раз подходящая для этого голова с носом, похожим на бараний хвостик.

Серж вернулся и сел, зажав бесцеремонно между ног туфлю Минутт. Минутт, взбешенная, ударила его каблуком по ноге.

— Она очаровательна, ваша подруга, — сказал Серж. Я проглотил бы ее целиком сегодня вечером, после полуночи.

— Я предпочла бы, чтоб меня громом убило, чем иметь когда-нибудь детей от вас, дорогой мсье, — издеваясь ответила Минутт. У меня нет ни малейшего желания принести их в дар музею уродов или посвятить их духу алкоголя.

— Она очаровательна и вместе с тем язвительна, — возразил философ. — Она напоминает теорию аббата Кодильяка. Под ее привлекательными формулами сокрыты острые шипы.

Его рука ласкала под столом колено Минутт, и Минутт, раздраженная, колола его незаметно своим десертным ножом. После десерта, когда Серж пошел поговорить по телефону, Минутт заявила Просперу:

— Меня раздражает этот мальчишка. Он все угощает нас твоей метафизикой… Лучше бы он заботился о своем здоровье и принимал слабительное.

— Он большой оригинал, Минутт. Еще неделю тому назад он был целомудренным. До знакомства со мной он никогда не грешил. Но, несмотря на свою непривлекательную внешность, он все-таки, пойдет по этой дорожке, потому что у него есть деньги.

— У него есть банкноты?

— Да. И он даже не прочь пожертвовать несколько из них на меблированный алтарь тарифицированного наслаждения.

— Брось шутки! Почему же ты не сказал мне об этом раньше?.. Он забавный, твой друг, и его мордочка, в конце концов, симпатична… Право же, ты не на высоте. Вот товарищ, благодаря которому я могла бы увеличить свой доход, а ты позволяешь мне пропустить такой случай… Мой старина, у тебя столько же чутья, как у чучела

собаки… Сведя меня с ним, ты доставишь мне удовольствие. Мы должны вытянуть из него двадцать пять луидоров. Понял?

И случилось так, как было написано в Великой книге Слабых Людей. В этот вечер Серж, философ, и Минутт, куртизанка, старались плодиться и множиться под взглядом изумрудных глаз ангорской кошки, которая, сидя в кресле, следила за ними, безмолвная и презрительная. И в то время как Проспер утешался в объятиях Марты и склонялся над нежной лазурью ее романтических глаз, в нем промелькнуло смутное сознание, что роль, которую он сыграл между Минутт и Сержем была не совсем чиста.

— Ты видишь, — сказала на следующий день сияющая Минутт Просперу, читавшему в постели, — жизнь нужно брать с ее лучшего конца. Твой лимфатический друг в пенсне показался мне с первого взгляда скучным и вялым… Правда, его водянистые глаза и торчащие плечи не могли соблазнить меня с первого раза. Когда я присмотрелась к нему ближе, я заметила его длинный нос, его лоб, достойный «Мыслителя» Родена [*Знаменитая статуя современного скульптора Родена*] и его ноги кривые, как у джентльмена — наездника на английских гравюрах. Я заработала

на этом пятьсот франков, которые ты сейчас же обрати в 6 % облигации Батавской Гуттаперчевой Компании. На прошлой неделе у Троглодитов я встретила одного голландца, который предсказывает колоссальное повышение этих ценностей… Постарайся купить их по цене ниже курса, и ты будешь иметь меня на таких же условиях, франко — пересылка и упаковка.

И соблазнительница наклонилась поцеловать Проспера и заставила его вдыхать мягкий пьянящий аромат ее груди. Ах! Эта Минутт! Какая смешная, добрая, маленькая женщина!.. Проспер был бессилен перед волшебством ее обворожительной улыбки. Ей не понадобилось много усилий, чтобы завладеть его телом и душой и опрокинуть шаткие стены его былой добропорядочности. Приходило ли ему в голову, что из любви к ее зеленым глазам, он скоро изменит своим принципам, откажется от своего незапятнанного прошлого, будет опускаться с каждым днем все ниже и ниже, и превратится, наконец, в старого негодяя.

V

В этот вечер праздновали годовщину открытия бара Троглодитов. Утомившись танцевать шимми, под музыку уставших мандолиниста и банджодиста, Шарлотта сидела перед зеркалом в уборной и пудрилась до самых корней волос, в то время как мадам Кувиланж, заведующая умывальной, держала перед ней коробку с пудрой. Вдруг Шарлотта заметила около стены чемодан из поддельной свиной кожи. Она спросила:

— Вы переезжаете, мадам Кувиланж?

— Нет. Это Проспер оставил мне его на сегодняшний вечер.

— Как! Проспер из «Розового Фламинго»?.. Но что с ним сталось? Я потеряла его из виду, с тех пор, как покинула так надолго Париж.

Мадам Кувиланж, сложив руки под своим помятым шерстяным передником, вздохнула:

— Ах! Как тяжело видеть такие вещи!

— С ним случилось несчастье?

— Правильнее сказать, что он сам его искал!.. Подумайте только, как он мог бы быть счастлив со своей рентой… своим домом в деревне… своими

землями… и своей птицей… И все это растаяло, быстрее, чем в один год… Какая жалость!

— Как же это случилось?

— Все это произошло из-за его кутежей. Он съел свой капитал. Он продал свой домишко и теперь, поверите ли, буквально остался на улице; он бродит по ночам и спит днем. Мне тяжело смотреть, как честный малый заканчивает свои дни в шкуре сутен…

— Не может быть!

— Увы, это так, как я вам говорю. Ведь вы знаете, что раньше ему никто не посмел бы предложить какую-нибудь нечистую комбинацию. И вот теперь им завладела чувственность, и это его погубило… Он начал с Минутт…

— Той, которая пьет кюмель с эфиром?

— Да. Но она вовсе не глупа. Она связалась с ним, чтобы он занимался ее делами. Даже напившись она не забывает, что дважды два четыре; а на бирже она играет, эта маленькая клопиха, как старый ростовщик. Короче говоря, Проспер утроил ей ее сбережения. Она была так довольна им, что рассказывала о нем всем своим подругам. Одна из них, по имени Эмилена и маленькая Леонтина из Сигаль поручили ему заведывание своими доходами и таким образом Проспер сде-

лался дружком и этих дам.

— Неужели! В его годы!

— Надо, думать, что война образумила наших девиц и теперь ими руководит только любовь к деньгам. Что же касается Проспера, то он наделал каких-то глупостей с деньгами этих дам. Они начали угрожать ему преследованием. Тогда он вынужден был продать свой дом, и теперь у него нет ни одного су…

— Бедняга!

— Я знала много таких старых банкротов, сгоревших, как он, на огне к концу своей жизни. Они думали только о том, как бы покутить, вместо того, чтобы закончить спокойно свои дни… Ах! Мадам Шарлотта, как гадок этот мир!.. Возьмите, вот чистая салфетка…

Вдруг из телефонной кабинки послышался крик, за которым последовал звук сухой пощечины.

— Это ничего, — объяснила мадам Кувиланж спокойным тоном, привычной ко всему женщины. — Леа и Дениз делят между собой морфий, который достал им Боб…

И, делая вид, что какой-то клиент желает говорить по телефону, она открыла дверь кабинки и стала распекать ссорившихся:

— Приходится разнять вас, дорогие мои… Идите займитесь своими делишками где-нибудь в другом месте. Кабинка нужна другим.

Шарлотта вошла в бар. Она остановилась удивленно, заметив около двери за столиком Проспера, жевавшего жареный миндаль, облокотившись на скатерть в квадратах. Ее поразил его вид: он постарел, был плохо причесан и неряшливо одет.

Какая разница между теперешним Просперо́м и веселым рантье с свежим цветом лица, в черном фраке, которого она встретила прошлой весной под люстрами «Розового Фламинго». Ее первой мыслью было бежать. Но, подумав, что нехорошо было бы так обидеть его, и из уважения к прошлому, она решила присесть к нему. В его тусклых глазах снова зажегся огонек. Взяв ее за руку, он сказал:

— Шарлотта! Но что с тобой было?.. Уже много месяцев я ищу тебя… Значит, правда, что ты переживала настоящую любовь вдали от Парижа с этим художником, о котором мне говорили.

— Да… Я провела девять счастливых месяцев с Ашилем… Безумная страсть, мой старина… Мы вместе ели одно и тоже яйцо всмятку и спали в одной кровати, узкой, как предрассудок. Он

писал своими фруктовыми соками поразительные пейзажи. Они напоминали головки сыра, рассматриваемые в микроскоп… Он продавал их американскому комиссионеру, который перепродавал их в свою очередь в Соединенных Штатах вместо бумаги для мух. Ну, а потом, ты понимаешь, чем это должно было кончиться. Он обманывал меня с девушкой с фермы. Я продрала об его голову одну из его картин, уложила свои пожитки и вернулась в Париж… Теперь мы разошлись навсегда, и я подарила своей консьержке мой портрет, который он писал малиновым соком, ананасным сиропом и раздавленными винными ягодами, для изображения волос. Наша страсть, как видишь, продолжалась ровно столько, сколько нужно, чтобы родить ребенка, и плодом ее явилась оплеуха. Такова жизнь…

— Да! Жизнь это гнусная абортщица, моя бедная Шарлотта. Она прокалывает наши сердца своей иглой и, сплошь да рядом, заставляет подыхать в горе и лишениях… Ну, а если ты, двухголовый теленок, которому на все наплевать, — ну, тогда она поиздевается над тобой, будет хохотать тебе в лицо как, старая беззубая ведьма, и потерпит тебя в своей клинике несколько дольше.

— Ах, какие у тебя мрачные мысли, мой бедный

старичок… Что же, ничего у тебя не выходит?

— Все кончено, Шарлотта. Когда я рассуждаю хладнокровно, как я делал сегодня вечером, жуя этот миндаль, я смотрю с восхищением на всю работу… В один год можно свести на нет результаты шестидесяти лет… Ты понимаешь, что это означает?

— Ты опустился.

— Да я распростился с Мотан-Бри, где я подыхал от тоски, чтобы вернуться в Париж, где я подыхаю с голода… или почти подыхаю. У меня, нет приюта. Мой сослуживец Жакобез, ты знаешь его, бывший эконом в «Розовом Фламинго», выставил меня за двери, потому что я вел себя по-свински в Мондьяль-Палас и, наверное, кончил бы тем, что привлек на его отель внимание полиции. Я оставил свой чемодан у мадам Кувиланж, пока не найду себе комнату… Постой, хочешь видеть, что у меня осталось? Взгляни в мой бумажник: старая союзная карточка, прядь рыжих волос, портреты девчонок, к которым я питал безумную любовь на одну неделю, вексельный бланк Леа, затем фотографическая карточка какой-то голой курочки, визитная карточка одного американца, которого я свел с Минутт, записанный на трамвайном билете адрес одного типа, предложившего мне ка-

кое-то грязное дело… Вот, Шарлотта, все, что моя горькая доля мне оставила, не считая разбитых иллюзий, тяжелых воспоминаний и большого запаса лицемерия…

Положив свой потрепанный бумажник на скатерть, он посмотрел на Шарлотту, чтобы удостовериться, не смеется ли она над ним. С впалой грудью, сутуловатый, с ввалившимся и плохо выбритыми щеками, он глядел на нее. Но Шарлотта была жестокой только с богатыми: на них она изливала всю злобу своей души, за ежедневное поношение ее тела. Несчастные жертвы судьбы, обездоленные, внушали ей глубокую жалость, сжимавшую ее горло и вызывавшую слезы на ее глазах. Она вспоминала прежнего Проспера, стройного в своем фраке, приветливого с женщинами, услужливого со всеми и сравнивала его с этим опустившимся стариком, говорившим глухим, слабым голосом, тембр которого, казалось, изменила нужда. Она была действительно тронута, и в ее сердце насмешливой и шаловливой потаскушки, вдруг выросло прекрасное чувство. Она быстро схватила за руку Проспера и мягко сказала ему:

— Послушай, мой дорогой, если у меня никого не будет сегодня вечером, ты придешь ко мне…

Мы тогда подумаем, как тебе помочь и вывести тебя из такого положения. Хорошо?

Это слово «мой дорогой» не звучало в устах Шарлотты фальшиво, как обыкновенно. Это было почти материнское утешение девочки, ласкающей нежными словами своего несчастного отца. Это было бесконечно трогательно.

— Ты слишком добра к старому Просперу, Шарлотта… Я благодарю тебя за твое великодушное предложение.

Он украдкой поцеловал ей руку и прибавил:

— Я останусь здесь, в своем углу и буду смотреть, как другие пьют. Если все будет хорошо, ты придешь за мной.

— Хорошо… до скорого!..

Она исчезла, а Проспер погрузился в свои мысли, продолжая жевать миндаль. Несмотря на свое отношение к Шарлотте, он страстно хотел, чтобы она не встретила никого из старых друзей в этот вечер и осталась незанятой. Он чувствовал себя таким усталым, таким разбитым, что он страшился комнаты в гостинице, где ему придется искать убежища, если Шарлотта не сможет его принять.

В одиннадцать часов вечера он пережил паническую атаку. Пожилой, красивый мужчина, с цветком в петлице, подошел к Шарлотте с види-

мым проявлением любви. Проспер взволнованно следил за ним и видел, как он сел возле нее. Но Шарлотта, прочтя в глазах Проспера сильное беспокойство, встала через несколько секунд и, проходя мимо его столика, шепнула:

— Не волнуйся… Он только всегда принюхивается к еде, но никогда не ест.

В час ночи Проспер пошел за своим чемоданом и, поблагодарил мадам Кувиланж, предложившую ему кем-то забытые папиросы. Он последовал за Шарлоттой и пешком дошел с ней к ее дому. Она все еще жила в меблированных комнатах на улице Калэ.

— Обстановка все та же, — сказал он, войдя в комнату. Ты только переставила зеркальный шкаф, он, кажется, стоял раньше левее.

— Да, я нарочно это сделала!.. Это дает мне возможность следить за гостями в зеркале со своей кровати…

Шарлотта не спеша разделась и повесила на ручку канделябра ожерелье из поддельного жемчуга, выругав при этом парфюмера за то, что он продал ей румяна, которые не держатся. Распуская волосы она вдруг заметила, что Проспер был еще одет.

— Чего же ты ждешь, мой милый?

Проспер униженно спросил, нет ли у нее маленькой кровати в соседней комнате, где он мог бы провести ночь, не беспокоя ее, но Шарлотта, найдя это излишней скромностью, запротестовала:

— Там есть складная кровать, но это совершенно лишнее… Мы будем спать вместе, по-товарищески…

Они легли рядом и обменялись несколькими фразами по поводу теперешней тяжелой жизни. В первый раз за долгое время, Проспер переживал счастливые и спокойные минуты. Как старый парусник, разбитый бурей, он наслаждался теперь покоем, очутившись в безопасном порту, и хотел бы никогда не расставаться с этим гостеприимным ложем. Шарлотта уснула первой. Он украдкой поцеловал ее в плечо, как признательный нищий араб, и уснул в свою очередь. На следующее утро Шарлотта достала из своего серого, замшевого ридикюля пятидесятифранковый билет и дала его Просперу. Взяв его и горячо поблагодарив Шарлотту, он сказал:

— Я пойду искать удачи, моя дорогая… Спасибо, еще раз… Я оставлю пока свой чемодан и заберу его перед обедом.

— Хорошо. Я не желаю тебе успеха, Проспер…

Я сейчас дотронусь до дерева и подниму левую ногу… [*По распространенному суеверию, нельзя высказывать пожелание успеха; прикасание к чему-либо деревянному и подымание левой ноги делается также для того, чтобы не сглазить*]

Он позавтракал на кухне Троглодитов. Главный повар, знавший его раньше и хорошо относившийся к товарищам по синдикату, приказывал подогреть для него пережаренные котлеты или рыбу с душком, которую отослали обратно гости. Он бродил по городу, сытый и довольный, до четырех часов и с тревогой думал о том, что до обеда осталось слишком мало времени, чтобы найти себе какое-нибудь занятие. Он остановился у прилавка букиниста на бульваре Клиши и стал перелистывать выставленные поддержанные романы. Вдруг кто-то ударил его по плечу. Он обернулся.

— Серж!

Это был философ со стеком в руке, в панаме и в черном жакете. У него было меньше прыщей на лбу и больше огня во взгляде.

— Сообщаю вам, дорогой Проспер, что я только-что получил диплом и с октября начинаю преподавать основы логики ученикам провинциального лицея… Пока же дядя из Пуату прислал

мне пять тысяч франков, чтобы вспрыснуть мой успех и я счастлив, что встретил вас. Мы сейчас устроим с вами маленькую оргию, достойную Гелиогобала [*Римский император в Швеке, знаменит своей жестокостью и безумными оргиями*].

— С удовольствием, мсье Серж… Это поправит мое настроение. Так как, между нами говоря, я пребывал в черной меланхолии… Но вы? Вы выглядите блестяще, совсем как придворный аббат.

— О! Я был очень благоразумен в этом году. После героических времен Марты и Розовой Сосиски, я вел уединенный образ жизни заслуженного квакера. У меня была связь с одной маленькой английской танцовщицей, Молли, понимавшей любовь только в присутствии третьего лица, ее подруги, которая требовала вслед за тем, чтобы я нюхал опиум в ее объятиях. После Молли я познакомился с женой одного банкира, постепенно втянувшей меня в развлечения самобичевания и давшей мне ознакомиться, так сказать, на собственной шкуре с теорией покойного Захер-Мазоха… а затем, в последние месяцы, я нюхал кокаин в обществе одной известной писательницы, истребляющей его по две столовые ложки в неделю и поручившей меня заботам одной маленькой аннамитки, недавно привезен-

ной из Сайгона… Вы видите, таким образом, что моя жизнь протекала вполне нормально и была совершенно лишена чрезмерного распутства. Но теперь, имея диплом, я думаю наконец испытать удовольствия более пикантные и рассчитываю на вас, мой дорогой Проспер, в пополнении моего образования.

Проспер, смущенный, посмотрел на молодого ученого. Очевидно было, что он не шутит, и что этот разнуздавшийся схоластик имеет намерение идти еще дальше по пути разврата.

— Мы попробуем, мсье Серж, и, если вы этого хотите, мы прежде всего отправимся к одной моей приятельнице, очень опытной в этой области. Она живет на улице Шапталь. Ее Зовут Манон де Сент-Эстеф. Она поставляет пикантные развлечения самым утонченным скотам Третьей Республики [*Современная Франция*].

В течение пяти дней Серж и Проспер вышивали все новые и новые узоры на канве сладострастия. Мадам Манон де Сент-Эстеф, получив от молодого ученого солидное вознаграждение, предоставила в его распоряжение все ресурсы своего воображения. Между двумя ночами, которые ни одно перо не в состоянии описать, Серж заявил:

— Эта Манон очень интересный тип. Если бы

вместо того, чтобы сидеть за столом Пифагора и питаться спартанской похлебкой Шопенгауэровского пессимизма, я научился владеть резцом или кистью, я с удовольствием сделал бы портрет этой девки в пеньюаре в мелких цветочках, с ее странными глазами, отражающими всю мерзость разврата.

— Совершенно верно, ответил Проспер, Манон де Сент-Эстеф самый лучший пример нашей печальной эпохи. Я встречал ее в течение пятнадцати лет в «Розовом Фламинго», когда она только еще начинала свою порочную жизнь. Ее зовут на самом деле Мари Неришон, а стала она Манон де Сент-Эстеф благодаря одному молодому канадцу, поэту и хвастунишке, пьянствовавшему с ней, колотившему ее беспощадно и проводившему с ней ночи в наших отдельных кабинетах. Она стала содержанкой одного миллионера, невероятно уродливого, который фотографировал ее, без покровов во всех позах богинь из Ватиканского музея и рассылал ее портреты аристократам, включенным в Готский альманах [*Сборник генеалогий всех аристократических родов Европы*]. Это был своеобразный способ выделиться, щекотавший потрепанные нервы этого коринфянина, разбогатевшего на торговле коринкой.

— Мадам Манон де Сент Эстеф мне нравится, — возразил ненасытный философ. — У нее небольшой, прямой носик, низкий лоб ведьм, высасывающих душу из обескровленных трупов. Кроме того, у нее жестокие глаза аквамаринового цвета, напоминающие, под своими прямыми ресницами, стеклянные глаза маски… Скажите мне, мсье Проспер, не убила-ли она случайно кого-нибудь?

— Честное слово, вы затронули тайну ее интимной жизни, более мутную, чем донышко бутылки. Рассказывают, что она отравила на Капри одного итальянского тенора, ее друга. Но оставим благодетельным сомнением. Преступление окружает ореолом прошлое подобной женщины. Так же, как удачная острота подтверждает талант умного человека.

Прокутив свои пять тысяч франков, Серж покинул Проспера в таком же виде, как и нашел его, и, все такой же неугомонный и фатоватый, удалился на некоторое время в Пуату, чтобы отдаться там воспоминаниям о только что пережитых грязных приключениях.

В этот вечер в час обеда, Проспер, усталый и печальный, позвонил у дверей Шарлотты.

— Это ты! — сказала она. — Но я думала, что ты

исчез… Меня интересовало только, вернешься ли ты за своим чемоданом.

Проспер рассказал ей о своих приключениях.

По мере того как он говорил, брови Шарлотты нахмуривались. Выслушав его, она не могла удержаться от упрека:

— Ты не серьезный человек… Я стараюсь помочь тебе и сделать для тебя, что только могу, а ты еще больше погружаешься в болото разврата… Это позор… да, еще в твои годы…

— Не сердись на меня, Шарлотта, это не моя вина… Наоборот — твоя.

— Нет! Это слишком!

— Да. Ведь это с тобой я в первый раз изменил памяти Луизы. Ты мне дала ключ к Эльдорадо, о котором я и не подозревал.

— Ну, так что?

— А то, что ты немного ответственна за мою теперешнюю жизнь.

— Что за скотина! Да если бы не со мной, ты все равно развратничал бы с какой-нибудь другой.

— Без сомнения. И тогда эта другая несла бы такую же ответственность. Но поскольку это — ты; ты не можешь оставаться безразличной к моему будущему.

— Что же, ты хочешь теперь шантажировать

меня?

— Не сердись Шарлотта… Разве я похож на шантажиста или мерзавца… Только не гони меня и приюти меня еще немного, до того времени, пока я снова приду в себя… Да, это так, Шарлотта, это вполне возможно… Послушай, я мог бы устроиться в этой каморке, на диване и оказывать тебе маленькие услуги в благодарность за твою доброту ко мне… Я буду открывать дверь, вводить твоих друзей. Они будут думать, что я твой лакей, а от этого возрастет твой престиж. Скажи, моя маленькая Шарлотта, ты согласна?.. Я не буду занимать много места… Я буду помогать твоей кухарке… исполнять поручения, давать тебе советы… Только не гони меня.

— Почему ты не ищешь места метрдотеля?

— Я попытаюсь… немного позже… Теперь я не смог бы так работать, как раньше… Я уверяю тебя. Это не мое нежелание…

И так как Шарлотта колебалась, он умолял ее:

— Итак, ты согласна?.. Я могу оставить свой чемодан?

Ей снова стало жалко его. Ее гнев прошел, снова ее растрогало моральное убожество этого бедного человека. Она посмотрела на него так, как смотрят на очень старую собаку, вернувшуюся в

свою будку, с опущенным хвостом и потухшим взором и сказала:

— Хорошо. Устраивайся пока здесь.

Он устроился, счастливый и успокоенный.

Однажды вечером, Шарлотта и Жоржетта встретились в мюзик-холле. Они сидели в соседних ложах. В антракте, в то время когда их любовники ушли в буфет, они разговорились и Жоржетта случайно назвала имя Проспера. Шарлотта рассказала своей приятельнице о том, что пожалела этого старого беспутника и приютила его у себя до тех пор, пока он не сможет опять работать.

— Проспер живет у тебя! — сказала удивленно Жоржетта.

— То есть, он устроился у меня в чуланчике, где спит на диване… Он помогает Анне вести хозяйство… Он даже настаивает на том, чтобы убирать мою постель. Да, это его мания… А также считает мое белье и наводит порядок в моем шкафу… Это для него высшее счастье… Впрочем, он не занимает много места. Когда он возвращается вечером домой и у меня кто нибудь есть, он остается за дверью, как хорошо выдрессированная собака и, удостоверившись, что я не одна, убирается на кончиках пальцев в свою дыру и тихонько укла-

дывается спать. На следующее утро, как только я остаюсь одна, он приносит мне кофе и болтает со мной. Он спрашивает меня о моих впечатлениях, дает мне советы, любовно рассматривает мое белье и готовит мне ванну.

— Что за тип!.. Подумать только, как он раньше был верен своей сожительнице!

— Моя дорогая, нужно остерегаться серьезных мужчин. В один прекрасный день они начинают брыкаться, и, чем позже они становятся такими, тем хуже для них… Подумать только, что этот бедный Проспер, который в свое время смотрел на наши маленькие проделки с немного высокомерной снисходительностью, теперь дошел до того, что стал альфонсом у проституток из Троглодитов. Он несомненно морально помешан.

— Это смешно.

— И, в сущности, достаточно грустно; мне жаль этого несчастного, и я хотела бы помочь ему выйти из этого положения…

Шарлотта и Жоржетта замолчали, так как друзья вернулись. Они снова приняли вид, который Жоржетта называла «игрой под великосветских дам» и церемонно раскланялись друг с другом. Шарлотта вернулась домой со своим другом, неким мсье Бугремель из Лиона, приезжавшим

в Париж каждые три месяца по своим делам и проводившим с ней несколько ночей. Это был богатый фабрикант, женатый на женщине уродливой, как брюссельский грифон, и скучной, как чиновник, страдающий несварением желудка. Он был очень щедр к Шарлотте и давал ей, кроме денег, подарки в виде дорогих шелковых тканей, выделанных на его фабрике. Шарлотта ввела его в свою комнату и, пока он раздевался, заглянула в коморку Проспера. Там никого не было. Она подумала, что он снова проводит время в каком-нибудь подозрительном месте, и обескураженная вздохнула.

— Ты устала, моя милочка? — спросил мсье Бугремель, глаза которого горели под нависшими густыми бровями.

— Нет, мой дорогой… Пойдем скорее баиньки… Скорее! скорее!

В действительности ей отнюдь не нетерпелось провести ночь с этим волосатым мужчиной, у которого даже глаза были закрыты густой шерстью; вся голова его напоминала те волчьи головы, которые содержатели зверинцев изображают на своих декорациях. Но она выполняла свои обязанности добросовестно и систематично, заботясь о соблюдении установленного ритуала.

В час ночи мсье Бугремель заснул крепким сном в то время как Шарлотта, облокотившись на подушку, мечтала о том, что она сможет сделать из парчи и крепдешина, обещанных ей фабрикантом. Маленькая лампочка, завешенная голубым кашемиром, распространяла по комнате слабый свет.

Вдруг Шарлотта прижала обе руки ко рту, чтобы не закричать… Там, в зеркале шкафа, отражавшем ножки кровати, она увидела руку, осторожно двигавшуюся по ковру. Пораженная этим зрелищем, остолбеневшая от страха, она заметила и другую руку, потом голову… Тогда она узнала того, кого приняла за вора. Это был Проспер. Немного успокоенная, но сильно заинтригованная, она притворилась спящей и следила за ним из-под опущенных ресниц. Что побудило его спрятаться под кровать? Почему теперь он вылезает оттуда с осторожностью индейца, выслеживающего своего врага?.. Она видела как он подвинулся к креслу, где лежали вещи мсье Бугремель, и бесшумно обшарил карманы пиджака и брюк. Потом, по-видимому удовлетворенный, он направился к двери своей каморки, открыл ее с бесконечными предосторожностями и исчез.

Шарлотта недоумевала. Она не могла поверить, чтобы Проспер имел намерение обокрасть ее друга. С другой стороны она не могла понять, что именно он делал. Если она поднимется с кровати, она рискует разбудить мсье Бугремеля, а ей не хотелось, чтобы он застал ее за обшариванием его карманов. Шарлотта долго еще думала над этим и, наконец, уснула. Было уже совсем светло, когда ее разбудили крики Бугремеля, шагавшего по комнате, как медведь в клетке. Его черные волосы подымались дыбом на голове, к которой прилила кровь.

— Шарлотта!.. — сказал он, размахивая пиджаком своей волосатой руке… У меня украли бумажник.

— Что!.. Твой бумажник?

— Так как почти невозможно, чтоб я потерял его со вчерашнего вечера, значит, очевидно, что его украли.

— Украли?.. Но мой дорогой, этого не может быть!.. Если бы он был у тебя, когда ты приехал сюда, то и теперь лежал бы в твоем кармане…

— Сколько в нем было?

— Шестьсот франков… О! меня волнует не сумма, но самый поступок.

— Поступок!.. Ты, как будто, подозреваешь меня

в этом?

— Я никого не обвиняю. Я только констатирую факт.

Враждебное молчание мсье Бугремель свидетельствовало о его сомнениях. Шарлотта, взбешенная ложным подозрением, жестоко ругала его. Они обменивались язвительными словами. Наконец, лионец взял свою шляпу и уехал, убежденный, что во время его сна произошло что-то непонятное. Он твердо решил никогда больше не встречаться со своей любовницей.

В то время как Шарлотта нервно била кулаками по подушке и приходила в отчаяние из-за этого идиотского происшествия, кто-то постучал в дверь.

— Ку-ку… Это я…

Проспер, подстерегавший уход мсье Бугремеля, вошел в комнату с вывалянным в муке лицом, держа руки за спиной. Он наклонился над Шарлоттой, как добрый дедушка, который хочет заставить смеяться недовольного младенца, и стал помахивать украденным бумажником.

— Кто получит маленький сюрприз? Это Лолота… Посмотри, разве старый Проспер не славно поработал для тебя? Шестьсот франков в бумажнике мсье… Ты видишь… Они были в его кармане

и по волшебству старого Проспера… очутились здесь… Вот они в руке маленькой Лолоты!

Шарлотта слушала эти слова, сжимая руками простыню. Наконец, она выпалила:

— Старый болван!

Бумажник выпал из рук Проспера; он не мог поверить своим ушам.

— Да… ты старый идиот. Лучше бы ты спал эту ночь, чем очищать карманы моего друга… Замечательно умно то, что ты сделал?.. Ты поссорил меня навсегда с человеком, который в каждый свой приезд давал мне тысячу монет и, кроме того, материи для моих платьев… И всего этого лишиться из-за того, чтобы стянуть у него шестьсот франков! О, твой сюрприз чудесный! Спасибо…

Шарлотта встала, дрожа от негодования в своей желтой сорочке, отделанной черным кружевом и аппликацией в виде кошачьей головы, сделанной из бархата. Она ткнула бумажник из зеленого сафьяна под нос Просперу и крикнула:

— Тебе только этого не хватало… Обкрадывать моих любовников во время сна!

— Но, Шарлотта, ведь это для тебя же…

— Разве я просила тебя когда-нибудь об этом, старый негодяй!.. И потом вообще ты мне на-

доел!.. Ты доставишь мне удовольствие если возьмешь свой чемодан и уберешься отсюда…

Она толкнула Проспера к его каморке и, как только он уложил свои вещи, вытолкнула его в коридор. Ему недоставало только факела в правой руке и шпаги в левой, чтобы олицетворить св. Михаила с художественной выставки, в виде шутовского архангела, прикрывающего свою наготу складками развевающейся рубашки. Выйдя в переднюю. Проспер, которому хотелось плакать, обернулся с мольбой во взоре к Шарлотте.

— Запри дверь! — настаивала Шарлотта. И чтоб я больше тебя не видела!.. Убирайся, убирайся!..

В тот самый момент, когда Проспер, с поникшей головой, открывал дверь, снова появился мсье Бугремель. Он удивился, увидев жалкого старика, спасавшегося от гнева мстительной Шарлотты, и спросил:

— В чем дело?

— Ничего… ничего… Я выгоняю этого старого бродягу, который требовал от меня сто су… Это друг моего папа, который пошел по плохому пути…

Потом, заметив улыбающееся лицо мсье Бугремеля, она прибавила удивленно:

— Но… я… я не понимаю, почему вы вернулись,

мой друг… Вы меня обвинили в…

— Тише! тише! Иди в мои объятия милочка… Я беру назад мои несправедливые подозрения и прошу у тебя извинения. Придя в гостиницу я обнаружил, что кто-то рылся в моих вещах и украл булавку для галстука, впрочем ничего не стоящую. Но, в таком случае вполне возможно, что он украл также и мой бумажник.

Примирение не заставило себя ждать. Мсье Бугремель пообещал Шарлотте хороший браслет и назначил ей свидание в час дня, чтобы поехать с ней завтракать в соседний ресторан. Выходя из ее дома, он увидел, что жалкий старик все еще здесь, на краю тротуара, и робко приближается к нему, держа шляпу в руке.

— Простите, мсье, пробормотал Проспер… Это вы, именно, друг Шарлотты, с которым она провела ночь?

Храбрость и мсье Бугремель не уживались вместе. И, подумав про себя, не является ли этот старый селадон любовником в отставке и не держит ли он в руке мстительного кинжала, он попятился назад.

— Что вам угодно от меня?

— Не бойтесь мсье… Я ничего не сделаю вам… Я только хотел вам сказать, что не Шарлотта взяла

ваш бумажник, а я....

— Что?..

— Да мсье... Вы не должны сердиться на нее... Я спрятался под кроватью и сделал это... Я хотел признаться вам, потому что этот скверный поступок гложет мое сердце, и я был бы очень, несчастен если бы не признался вам.

Мсье Бугремель не был храбр, но он был недоверчив. Он жестом отпустил Проспера и задумался над своим приключением.

Он дрожал при мысли о страхе, который испытал бы, если бы увидел ночью человека, вылезающего из-под его кровати. Он подумал также, что лукавство женщин превосходит всякое воображение и представил себе множество гипотез, объясняющих присутствие этого шестидесятилетнего старика в квартире Шарлотты. Какая-нибудь мерзкая тайна, быть может, даже преступление, соединяет эти два существа... Итак, он направился к себе в гостиницу и нацарапал записку, которую велел отослать с посыльным.

Дорогой друг мой!

Моя доверчивость имеет границы и великодушие свои пределы. Вы хорошо мне отплатили. Поэтому было бы излишне прилагать к этой записке какую-нибудь драгоценность. Прощайте.

Адольф Бугремель.

Когда Шарлотта получила эту записку, улыбка показалась на ее губах. Она перечла ее три раза, но ничего в ней не поняла.

VI

Прошло три года. На отрывном листке кафешантанного календаря можно было бы прочесть:

«В 1920 году, в этот день, 4-го июня, мсье Проспер выиграл свою первую партию в рамс в привокзальном кафе Мотан Бри… Восход солнца: 5 часов 16 минут. Луна: первая четверть».

Было без десяти минут двенадцать часов ночи. Два человека в помятых фетровых шляпах ходили взад и вперед по площади Оперы. Один был блондин, худой, еще молодой. Другой седой сгорбленный, уже старик. Они не замышляли какого-нибудь преступления, которое потом дало бы тему для газетного фельетона. Они довольствовались тем, что быстро мерили взглядом проходивших мимо людей. Это были два проводника, не зарегистрированные, однако, в официальных агентствах. Это были Проспер и господин Оствельде. После бесчисленных приключений Проспер сделался гидом иностранцев, желающих проникнуть ночью в тайные места большого города. Теперь он потерял всякие остатки стыда и самоуважения. Его прежние

принципы были выкорчеваны туманными ночами, и его достоинство рассеяно предрассветными злыми ветрами. Он соединился теперь с вышедшим из тюрьмы бельгийцем, Жаном Франсуа Оствельде, он же — Жан-Жан, он же флажолет, и оба они выслеживали по вечерам праздношатающихся иностранцев, чтобы вытянуть от них под влиянием спиртных напитков доллар, пезету или флорин.

Оствельде остановился перед «Кафе Мира» закурить папиросу и окинул взглядом проходившую толпу.

— Посмотри на этих телят, которые ползут так, как будто им поставили клизму! — сказал он Просперу. — Ах, чтоб их всех черт побрал!.. Теперь уже больше не умеют веселиться в Париже, мой бедный старичок... Крышка нашей профессии...

— Я вытянул третьего дня тридцать франков у одного англичанина, которому хотелось осмотреть центральный рынок. Вчера вечером, ничего... Сегодня тоже самое. Просто противно становится работать.

Какой-то англосакс прошел мимо него. Он шепнул ему:

— Want a nice girl, sir?.. Want me to shovy you round the most exuting places? [*(анг.) Хотите хо-*

рошенькую девчонку, сэр?.. Хотите, чтобы я вам показал самые интересные места?]

Но англичанин отстранил его сильной рукой и пробормотал:

— Get out… [*(анг.) Проваливай…*]

Ооствельде посмотрел ему вслед и процедил сквозь зубы:

— Собачья морда… холера… — и вернулся к Просперу, показывавшему высокому мужчине в смокинге прозрачные карточки. Он объяснял:

— Вы берете ее вот так, мсье… Помещаете над электрическим карманным фонариком, затем двигаете карточку вот так, взад и вперед… Потом одним движением берете женщину за талию и получается полная иллюзия… Вы видите?..

Проспер старался вертеть карточку перед глазами высокого спокойного человека, молча смотревшего на него. Ооствельде явился к нему на помощь и дополнил его объяснения. В конце концов толстый спокойный человек поднес руку к своему карману.

— Только пять франков… — сказал обнадеженный Проспер. — За три — двенадцать франков. Прикажете дать три штуки?

Но спокойный человек вынул из кармана зубочистку, посмотрел на обоих проводников и,

жалостливо вздохнув, ушел, пожимая плечами.

Разочарованный Проспер потушил свой маленький электрический фонарик, а взбешенный Оствельде, крикнул вполголоса:

— Проваливай, гадина!

И заключил:

— Вот какие они все, Проспер… Говорю тебе, не умеют больше веселиться в Париже…

Они долго бродили эту теплую ночь. Гуляющих становилось все меньше. Кафе закрывали свои витрины. Две проститутки, ходившие взад и вперед от площади Оперы до площади Мадлены, обратились к ним мимоходом:

— Ну, как дела?

Проспер покачал головой, а Оствельде сердито швырнул окурок в киоск.

— Хорошо… хорошо… Они не в духе, — сказала крупная блондинка. — Они, как видно, поели не совсем свежей рыбы… Идем, Полина.

И они удалились при ярком свете дуговых фонарей, постукивая каблуками. Вдруг Проспер заметил великолепный автомобиль, остановившийся на углу улицы Скриба. В автомобиле сидела женщина, и помахивала ему рукой в белой перчатке. Проспер сжал руку Оствельде

— Я узнаю ее… — пробормотал он. — Это Иветта

де Мерланж, которая так часто ужинала в «Розовом Фламинго».

— Здесь можно будет подработать…

— Нет, мой милый, это моя клиентка… Я ее оставлю для себя.

— Проспер!.. Заработок пополам!..

— Нет, это моя добыча.

— Этого не будет!

— Увидишь!

И, не замечая злобного взгляда бельгийца, Проспер подошел к автомобилю.

— Какая встреча! — сказала прекрасная мадам де Мерланж… Я вас сразу же узнала, мсье Проспер… Что вы здесь делаете? Мне казалось, что вы уехали в деревню?

— Я снова вернулся в Париж, так как соскучился там. Я организую эпикурейские вечера для просвещенных любителей… Я, так сказать, произвожу изыскания в области утонченных ощущений.

— Неужели! Ах, как хорошо, что я вас встретила. Я так скучала сегодня вечером. Мне хотелось поехать… Садитесь в автомобиль, мы обдумаем маленькую программку. Дайте шоферу адрес, какой хотите.

Проспер указал адрес Манон де Сент Эстеф на

улице Шапталь, и сел рядом со своей бывшей клиенткой, в то время как Оствельде, наблюдавший всю эту сцену в тени, вскочил в такси и приказал шоферу не терять из вида черно-золотой лимузин.

По дороге мадам де Мерланж рассказывала о себе старому метрдотелю. Она была великолепное создание, сорок лет которого подчеркивали ее красоту, как твердый рисунок поддерживает колорит классического произведения. Ее бесчисленные драгоценности, ее шляпа— украшенная бриллиантами в платиновой оправе сапфир в ее кольце, ее платье, туфли, все детали ее костюма обнаруживали сытое довольство этой куртизанки, сделавшей карьеру и пользовавшейся жизнью.

— Вы всегда одинаково молоды и красивы, сказал Проспер, любуясь ее профилем флорентийской камей.

Она улыбнулась, счастливая, и рассказала ему о своей удаче. Она познакомилась на бегах с одним испанским грандом, которого возили в кресле, так как его правая сторона была парализована. Но левый глаз этого парализованного неисправимого грешника остановился на мадам де Мерланж, и дон Алоизо де Замора и Тинто

воспылал к ней непреодолимой страстью. Он принимал ее в своем отеле, на авеню Клебер, сидя на надутых горячим воздухом подушках и предлагал ее ласкам левую часть своего тела. Когда по рассеянности она целовала его в правую щеку, испанский гранд, поднимая свою левую руку, писал в блокноте: Yo no sens rien par la… Piu à'gauche, alima mia [*(итал.) Здесь я ничего не чувствую… Немножко левее, моя дорогая*]. Как артиллерист, которому офицер наблюдатель сигнализирует, куда упал снаряд, мадам де Мерланж исправляла наводку и нежно целовала левую теменную кость запиринейского джентльмена. Тогда удовлетворенный он писал в блокноте: Mucho délicieux, guerida mia yo l'ai senti votre beso… [*Чудесно, моя очаровательница… Я его чувствовал, этот ваш поцелуй. (Обе фразы представляют собой смесь испанского с искаженным французским языком)*].

Камердинер испанского гранда возымел однажды блестящую идею очертить синим карандашом на теле своего господина демаркационную линию, отделявшую здоровую часть тела от больной, чтобы мадам де Мерланж не могла больше ошибаться. Ее активность была, таким образом, сильно ограничена, так как поверхность тела ее

любовника была сведена к пятидесяти процентам, но она не жаловалась, зная, что все равно будет вознаграждена.

Действительно, однажды утром, камердинер констатировал, что уже две трети тела его августейшего повелителя были бесчувственны. Он исправил тогда синюю линию, чтобы мадам де Мерланж не теряла времени на бесцельные ощупывания. Через шесть месяцев, дон Алоизо был парализован на три четверти своего я. Слуга еще раз исправил синюю линию; при этом плутоватый и циничный лакей сказал мадам де Мерланж:

— Посмотрите на его кожу… Можно сказать, карта генерального штаба с нанесенными на ней линиями отступления врага.

Когда испанский гранд умер, мадам де Мерланж имела счастье узнать, что дон Алоизо оставил ей три миллиона и замок возле Рудана.

— Значит, вы счастливы, — заключил Проспер. — Что же вам еще нужно?

— Мне нужны новые ощущения, мой друг… Я растирала в течение восемнадцати месяцев спину паралитика. Можете мне поверить, что в этом было мало привлекательного и что я вполне заслужила право немножко повеселиться. Какое

развлечение вы мне предложите?

Проспер сказал ей о Манон Сент-Эстеф и набросал план времяпрепровождения. При помощи Манон они смогут попасть к баронессе, где найдут все условия для употребления наркотиков.

— Кто эта баронесса? — спросила заинтересованная мадам де Мерланж.

— Это один молодой человек, очень любезный, который дает приют в своем ателье, на бульваре Батиньоль, массе интеллигентных любителей. Вы увидите, баронесса вам понравится… Но вот мы уже у дома Манон… Я поднимусь спросить у нее пароль, и мы тотчас же будем допущены в святилище… Это будет стоить двести франков…

Мадам де Мерланж всунула два билета в руку Проспера, который, позвонив в нижнем этаже, вручил сто пятьдесят франков Манон, в обмен за пароль, а остальные деньги положил к себе в карман. Вернувшись, он дал шоферу адрес баронессы и сел в автомобиль, не заметив, что такси Оствельде не теряет их из вида.

Через несколько минут Проспер и мадам де Мерланж пересекали двор, направляясь к ателье.

— Там никого нет, — прошептала мадам де Мерланж. — Ничего не слышно.

— Не бойтесь… В этот час у баронессы много народа.

Он постучал три раза и просунул под дверь маленькую красную карточку, которую дала ему Манон. Послышались заглушенные шаги, он услышал, как отбросили крючок с небольшой решетки и прошептал пароль:

— Пион и Памела.

Дверь тотчас же открылась, и баронесса весьма любезно встретил мадам де Мерланж, поцеловав ей почтительно руку. Баронессе было около пятидесяти лет, но он был так строен и так изящен, что его можно было принять за юношу, лицо которого сморщилось от слишком долгого пребывания в воде. Это была любопытная фигура, достойная быть помещенной в музей извращенных наслаждений Дюпюитрена [*Музей патологической анатомии имени Дюпюитрена, знаменитого французского хирурга и анатома*]. Он был одет в шелковый пеньюар красного цвета, подбитый выдрой, короткие рукава которого обнажали его волосатые и татуированные руки. Но в этих татуировках не было ничего вульгарного, что напоминало бы татуировку матросов Средиземного моря или хулиганов из Уайтчепеля [*Подозрительный квартал в Лондоне*]. На

них были изображены в красках две гейши, две великолепных миниатюры. Работа редкая и требующая большого терпения, за которую баронесса уплатил некогда сто фунтов стерлингов одному артисту в Эдо, когда был в Японии. Никто не знал его национальности. Порочный бродяга, он влачил свои всегда ненасытные желания через весь свет, принимал участие в скандалах и оргиях в Шарлоттенбурге, в Хампстеде и Гринвиче. Он говорил по-французски с легким акцентом и носил на указательном пальце рубиновое кольцо, на шее — нефритовое колье и на правой ноге нечто вроде четок из человеческих зубов, нанизанных на зеленую обвитую шелком проволоку из катушки Румкорфа.

Подав знак мадам де Мерланж идти на кончиках пальцев, он галантно помог ей снять шляпу и вечернее манто. Затем он прошептал ей на ухо:

— Говорите тише, прошу вас, моя дорогая. Мой дом место встречи людей со слабыми барабанными перепонками… Но прежде чем войти в святилище, опустите вашу лепту в двадцать пять луидоров в эту кружку… Вот отверстие. Спасибо.

Мадам до Мерланж повиновалась, и билеты исчезли в деревянной кружке, которую баронесса, вероятно, украл на паперти церкви Сен Сюльпис,

так как сбоку можно было еще прочесть на ней: «Для бедных прихода».

— Очень хорошо — сказал хозяин, улыбаясь так, что все лицо его избороздилось морщинами. — Теперь еще одна маленькая формальность, дорогой друг.

Он протянул руку и ощупал посетительницу с головы до ног.

Так как эти необычные прикосновения удивили мадам де Мерланж, он объяснил ей вполголоса:

— Я хочу быть уверенным в том, что мои гости не прячут какого-нибудь оружия. Баронесса имел основание так поступать. Прошлой зимой, какая-то молодая женщина, под влиянием невыносимой любовной тоски, которую не может исцелить ни золото, ни поцелуи, ни побои, застрелилась из револьвера во время оргии, которой руководил баронесса. Это произвело ужасную панику. Курильщики опиума, внезапно вырванные этим выстрелом из нирваны, выли, как свора испуганных шакалов. Один юный поэт, выведенный из своих грез, в безумии повесился на балконе лоджии. Две англичанки морфинистки стали душить друг друга. И в то время как ателье превратилось в ад, способный взволновать по-

тревоженные тени некромантов и тауматургов, баронесса, с помощью своего друга, завернул труп в мантию, отнес его в автомобиль одного из своих верных посетителей и бросил его в темной уединенной аллее Булонского леса.

— Вот!.. Теперь отлично, моя дорогая, — сказал баронесса, красный плащ которого бесстыдно распахнулся, открыв его гибкое тело юного спартанца. Теперь я могу вас посвятить… Следуйте за мной…

Мадам де Мерланж вошла в ателье. При тусклом и расплывчатом освещении невозможно было сразу различить людей и вещи. Мало-помалу она рассмотрела слева, на темной софе, в хаосе разбросанных подушек, две пары в кимоно из белого шелка, застывших в суровости временной смерти.

— Гашиш!.. — пробормотал баронесса.

Мадам де Мерланж прошла несколько шагов и остановилась в изумлении перед женщиной, почти голой, лежавшей под лестницей лоджии. Ее голова запрокинулась назад на ярко красную подушку, рот был широко открыт. Ее синие веки, раскрытые, как спелый каштан, позволяли видеть два блестящих зрачка ее блуждающих глаз, в то время как провалившийся нос, и ее верхняя

губа были покрыты белым порошком. Ее правая рука, судорожно сжимала разорванную рубашку, а другой она подбирала порошок, рассыпанный на медном подносике, стоявшем возле нее.

— Кокаин… — прошептал баронесса.

И, наклонившись к уху новой гостьи, тихо улыбаясь, он добавил:

— Какой ваш любимый грех, дражайшая?

— Опиум?.. Морфий?.. Кокаин?..

В тот момент, когда Проспер и мадам де Мерланж входили в дом на бульваре Батиньоль, Оствельде выходил из автомобиля и расплачивался с шофером. В течение четверти часа он, с нахмуренными бровями и заложив руки в карманы, шагал около дома. Он был охвачен глухой злобой. Он не ожидал, что его обманет этот выживший из ума старикашка Проспер, намеренный оставить себе всю выручку от этого дела. Но раз это так, Оствельде сумеет ему отомстить!

Он проник в маленький сад и увидал молчаливое ателье. Его нюх подсказывал ему, что его коллега находится здесь. Чтобы точно знать, что происходит в ателье, он вскарабкался на крышу по водосточной трубе и дополз до форточки. Прикрыв руками глаза, он различил постепенно, какому роду времяпрепровождения предавались

гости баронессы и опустился удовлетворенный. Он снова вышел на бульвар, забежал в маленькое кафе на улице Био и спросил хозяина, нет ли здесь по близости инспектора тайной полиции Блондака.

— Блондак?.. Он только что ушел отсюда… Ты, наверное, найдешь его на авеню Клиши…

Ооствельде нагнал инспектора и сказал ему конфиденциальным тоном:

— Э! старик… Не хочешь ли закинуть сети здесь неподалеку.

— А по какому делу?

— Коко… бамбук… [*Коко — фамильярное название кокаина; бамбук — бамбуковая трубочка для курения опиума*] Бал в полном разгаре… Иди за мной, и мы захватим птичку в гнезде… Будет чем пополнить корзинку для салата.

— А ты уверен, что за эти полчаса они не разбежались?

— Нет. Это исключено… Но все-таки пошевеливайся. В особенности обращаю твое внимание на некоего Проспера, старого бандита, промышляющего в уборной Троглодитов, ты захватишь его сейчас голыми руками.

— Подожди, я только протелефонирую начальнику.

В пять минут все было налажено. Оостельде бодро шагал рядом с инспектором Блондаком и втайне предвкушал радость предстоящей мести. К ним вскоре присоединился комиссар, его секретарь и три других инспектора.

— А вы вполне уверены, что здесь тайная торговля дурманом? — спросил комиссар, входя в сад. Если ваше сообщение неверно, я вас засажу, я вас предупреждаю!..

— Я готов дать руку на отсечение! Идите прямо туда, господин комиссар. Посидишь ты у меня, голубчик, лет пять или шесть в тюрьме!

То, что произошло дальше не поддается описанию. Это была трагикомедия, раздирающая душу и, в тоже время, невообразимо смешная. Появление комиссара и инспекторов лишило баронессу всего его хладнокровия. Он бегал взад и вперед по ателье, потрясенный, и проклинал и небо, и ад, в вполне понятном гневе.

— Меня выдали! — визжал он, воздевая свои татуированные руки к люстрам, завешенным плотным кашемиром. Меня продал вероломный друг… Но я разобью морду тому, кто это сделал… Жертвуешь собой, чтобы дать наслаждение свету, и вот как тебя благодарят… Я запрещаю вам дотрагиваться до меня… Уберите ваши грязные

руки… Комиссар!.. Запретите им трогать меня!..

Два инспектора, которых рассмешили протесты баронессы, схватили его за плечи и за ноги и вынесли в сад в то время как он вопил своим пронзительным голосом:

— Господин комиссар… Господин комиссар… Они пачкают мою кожу… Эти грубияны оскверняют меня!.. Прикажите прекратить эту профанацию!..

Но комиссар продолжал свое дело. Он вытаскивал вместе со своим секретарем банки с кокаином, Правацевские шприцы, ампулы с морфием, запасы опиума. Он велел обыскать всех присутствующих. Мадам де Мерланж и некоторые другие женщины и мужчины, личность которых была удостоверена, не были потревожены. Когда дошла очередь до Проспера, инспектор Блондак заметил:

— Нам указали на него, как на соучастника баронессы.

— Отлично, — сказал комиссар. В тюрьму…

Напрасно Проспер протестовал, его слова не производили никакого действия. Он очутился на тротуаре перед двумя такси, уже наполненными людьми и меланхолично сел в автомобиль с каким-то бледным молодым человеком и двумя

инспекторами. В тот момент, когда такси отъезжало, он, наклоняясь к окошку, заметил между комиссаром и Блондаком своего компаньона Ооствельде, выражавшего ему насмешками свою злобную радость. Тогда только Проспер прозрел истину и понял, как он одинок и всеми покинут.

VII

Сумерки спускаются над Бютой и косые лучи заходящего солнца золотят купола храма святого Сердца. Осень. Ласточки кружатся над домами, а кошки царапаются в двери, чтобы выскочить на улицу. Меблированные комнаты, арендованные бывшей ярмарочной проституткой, которой надоело странствовать по свету, мало-помалу освещаются. В конторе, на нижнем этаже мадам Ранчини, хозяйка, ест суп с вермишелью, в обществе своей горничной, угрюмой и молчаливой женщины. Второй этаж еще не освещен, так как жильцы обедают в ближайшей столовке. На третьем, три комнаты освещены; это комнаты двух хористок и одной статистки, поспешно одевающихся, чтобы не опоздать в свои уборные. На четвертом и последнем этаже единственный свет пробивается сквозь щели опущенных занавесей… Это комната двух великолепных любовников, портнишки и приказчика, лелеющих фантазию с золотыми и лазоревыми крылышками, под простынями в заплатах и скверно пахнущим одеялом в пятнах.

— Проспера все нет, — сказала мадам Ранчини горничной, подававшей сыр.

— Это старый плут, уверяю вас мадам Ранчини… Он всегда находит оправдания, когда не приходит вовремя. Только я вас предупреждаю… я больше не буду его ждать… Не достает еще, чтобы я сидела здесь и исполняла его обязанности!

Проспер приходит, извиняется и пробирается в темную комнатку, где надевает красный жилет, черный передник и старые туфли. Затем, возвращаясь к мадам Ранчини, принимает от нее дальнейшие инструкции.

— Проспер… Я оставляю в стенном шкафу двадцать бутылок пива, десять бутербродов с ветчиной, двадцать пять бананов и бутылку коньяку. Не забывайте… восемнадцать рюмок в бутылке… Вот ключи от восьмого, тринадцатого и пятнадцатого номеров, они свободны. Если придут «разыгрывать у себя голубков», то требуйте пять франков прежде чем вручить ключ. Позавчера два клиента из девятого номера чуть было не удрали на рассвете, не уплатив денег… Менять простыни не стоит… Я перевернула наизнанку наволочки на подушках… И еще раз я запрещаю вам подниматься наверх и играть в пикет с Мурейль… В первый же раз как я вас поймаю в ее

комнате, я выставлю вас за двери. Поняли?

— Да, мадам Ранчини.

И Проспер, ночной лакей, принимается за свою работу, а мадам Ранчини уходит к себе спать.

Половина десятого. Ночь спустилась над улицей. Лепик и уличные мальчишки покинули неровную мостовую. Проспер курит свою трубку под фонарем у входа в меблированные комнаты. Уже время ложиться в жесткую кровать под лестницей, где, одетый, завернувшись, в старую лошадиную попону, он будет вздрагивать во сне из-за звонков нетерпеливых жильцов.

Трещит электрический звонок. Он поднимается на третий этаж, еле держась на своих усталых ногах, и стучится в дверь семнадцатого номера. Это комната великолепных любовников. Они прижались друг к другу, как два попугая с острова Борнео. Они трогательны как картинка на конфетной коробке.

— Пива и сандвичей, — заказывает приказчик.

— Поскорее только, — добавляет портнишка.

И звук поцелуя сопровождает уход Проспера.

Он медленно спускается с лестницы. На его плохо выбритых губах не видно и тени улыбки. Никакое желание не оживляет его потухший взор. Теперь его не интересует больше любовь

окружающих. Четырех лет было достаточно, чтобы потушить в нем все. Его весна прошла и закончилась в жалком кортеже заблуждений, усталости и нищеты. Его щеки впали еще больше, морщины избороздили лицо. Спина его сгорбилась, а походка стала вялой и неуверенной.

Одиннадцать часов. Дом затихает и засыпает. Звонки все реже. Он только что провел пару в пятнадцатый номер: мускулистый парень, похожий на ярморочного борца, и костлявая девица в трико из зеленого шелка, с накрашенным лицом, напомаженными волосами под низким лбом и слишком светлыми глазами под темными бровями. Еще недавно, он испытал бы, с наслаждением, глухое чувство страсти при виде этих случайных любовников. Теперь он даже не думает об этом. Ночной лакей на окраине Бюты в своем пыльном углу, он ожидает без всякой надежды пасмурного утра, которое освободит его от работы до следующего захода солнца, когда он снова наденет свои туфли и передник.

Полночь. Снова возвращаются жильцы в свои комнаты, пропитанные тяжелым запахом. Двери в темных коридорах запираются. Взрыв женского хохота раздевающейся женщины, замирает на лестнице, напоминая удар крышки по эмалиро-

ванному ведру. Прежде чем войти в вестибюль, Проспер окидывает взглядом пустынную улицу. Небо покрыто звездами. Жалобное мяуканье влюбленной кошки нарушает тишину соседнего переулка. Нежно обнявшаяся парочка показывается на повороте улицы, поднимающейся в гору. Губы к губам, сжав друг другу руки, они испытывают неописуемое блаженство при свежем ветерке осенней ночи.

Вдруг на лестнице раздаются торопливые шаги… Проспер входит в вестибюль и видит на ступеньках растрепанную и полуодетую женщину. Она ломает себе руки, мрачная и испуганная. Это девица из пятнадцатого номера.

— Что случилось? — спрашивает Проспер.

Женщина стучит зубами и бормочет:

— Человек… Пойдите, спасите меня… Это зверь… Он хочет меня зарезать… О!.. Я боюсь! Боюсь!

— Тише!.. Без скандалов… Я сейчас пойду и успокою его…

— Проспер поднимается на третий этаж в сопровождении бледной проститутки. Войдя в комнату, он застает там борца, сидящим на краю кровати. У него вид полупомешанного, он смотрит бессмысленным взглядом на вошедшего.

— Послушай, малый, — говорит Проспер примирительным тоном. Тебе нехорошо?.. Не нужно пугать свою маленькую подружку, слышишь!..

Борец ничего не отвечает, он только судорожно сжимает раскрытый карманный нож. Его рот с длинным подбородком дегенерата не издает никакого звука.

— Отдай мне свою игрушку. Я ее верну тебе завтра утром в конторе.

Проспер вынимает потихоньку из рук борца нож и хлопает его по плечу:

— Это пройдет, мой милый… Ложись ка со своей подружкой и спи…

— Риммм!.. — ворчит борец, чувство злобы которого мало-помалу утихает, а веки прикрывают беспокойный взгляд.

И в то время как он вытягивается на кровати, Проспер указывает на него немного успокоившейся проститутке и бормочет:

— Ты видишь… кризис прошел… опасности больше нет… Доброй ночи, мое дитя. Час ночи. В коридорах тишина. Внизу под темной лестницей, закутавшись в попону для лошади, Проспер видит во сне белый дом в Мот-ан-Бри, крыша которого поросла мхом, а стены оголились и потрескались; он видит свой белый дом, там, в тиши

полей, в спокойствии прекрасного угасающего дня. И когда усталость прикроет его отяжелевшие веки, когда сон поможет ему забыть о мрачной действительности, ему возможно, пригрезится еще раз потерянный рай.